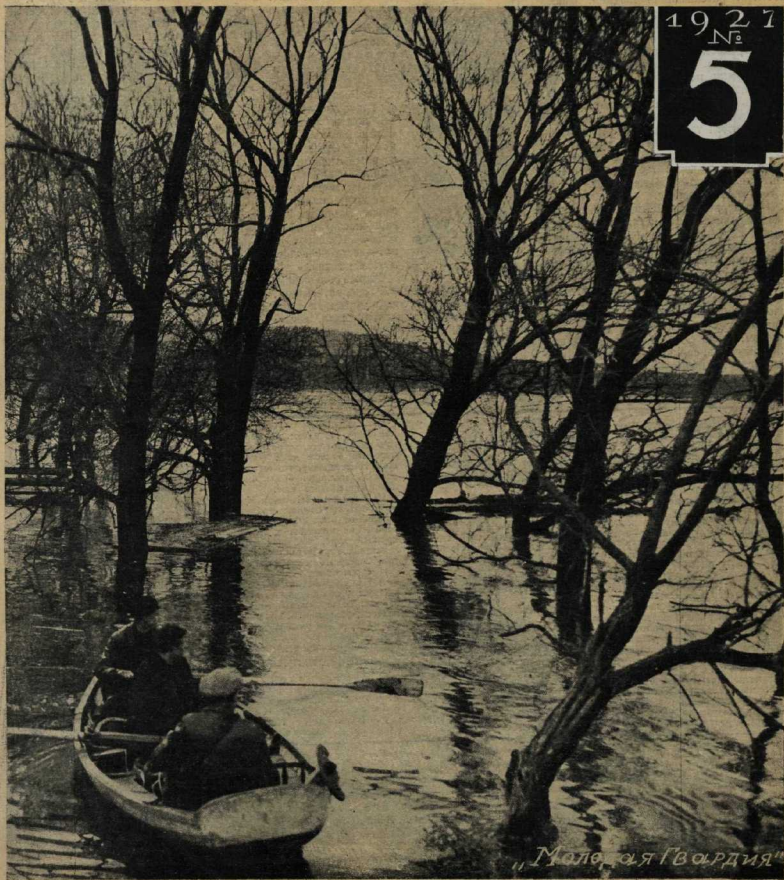

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

2
ИЗДАНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. С. С. Р.
МАССОВЫЙ
ЖУРНАЛ

19 27
№
5

„Молодая Гвардия“

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВИНКИ

Г. Белых и Л. Пантелеев. «Республика и как Шкиды». Повесть. ГИЗ. Л. М. 1927 г. Стр. 320. Цена 2 р.

«Республика Шкида» — редкое литературное явление. Значительность темы, глубокая, почти документальная правдивость материала, яркое, увлекательное изложение — достоинства этой книги.

«Шкида» — это сокращенное: Шк о л а социальное-индивидуальное воспитание в е и и Д о с т о в с к о в о в. Перед читателем своеобразная жизнь обитателей этой республики, дефективных подrostков, рассказанная людьми, вышедшими из этого мира. Шкида такое же родное и понятное авторам книге — Белых и Пантелееву, каким, например, Пушкину был Царскоесельский лицей или Помоловскому — бурса. Поэтому они повествуют без выдумки, не с большим или меньшим правдоподобием, доступным воображению, а лишь талантливо воссоздают пережитое. В таком изображении каждая страница повести так же интересна и важна читателю, как интересно даже самое малоинтересное движение наблюдателя за работой пчел через стеклянные стенки контрольного улья. Здесь и там — живой и творческий процесс.

Вот первые дни Шкиды. Ее первые, еще малочисленные воспитанники еще дики, хмуры и напоминают только что пойманных волчат. Но вот Шкида — многочисленна и шумна, она хлопотливо и нервно строит свою жизнь и борется за свои права. Ее жизнь еще не уравновешена, в ней части срываются, ее крутит и толкает «слепая машина бурсы», толчок шкидовцев охватывает стихийно и их натуру. Но в целом, начав с докуривания «чишаеши» и игры над абурибаской — шкидовцы поднимаются до подпольной комсомольской организации (так как дефективным запрещены политические организации). Ис-

правление большой и часто буйной психики трудно, но шкидовцы жадно борются за себя, вопреки наихудшей порочности. Перед читателем целая серия прекрасных нарисованных шкидовских типов, читатель с волевым следит за судьбой каждого из них. Перед ним, хуль и неуравновешенные и с большим провалом в психике, но глубоко впечатлительные, изобретательные и даровитые — натурой, каждый шаг которых — борьба за свою личность.

Книга оставляет большое впечатление. Она заслуживает самого пристального внимания читателя.

А. Колчугин. «Сокровища непобедимой Армады». Москва. «Молодая Гвардия». 1927 г. Стр. 310. Цена 2 р.

Юг России во время гражданской войны, штабы зеленых, белых, красных, махновцев, Орнейские острова, Англия, Донецкий бассейн, дно Черного моря и дно океана, польский фронт, Варшава, Киев, Константинополь, остров Каллоас и пр. — места действия в этом романе.

Старый большевик, генерал, сыщик, капитан подводной лодки, затем он же — промышленник и владелец склада, лейтенант и мн. др. — действующие лица романа.

Золото на дне океана, мимые смерти и расстрелы, клад на дне Донца, цифровой документ, погоня, бегство, предостережения, неожиданности, ошибки, оплошности, героизм и т. д. — сюжет

и приключения, приводящие роман в действие.

Все это, — и смена обстановок, и многообразие лиц, и запутанность фабулы, — признаки романа приключений.

Читатель с первых же страниц вовлечен в кино-поток событий, каждый новый поворот в действии захватывает его внимание, как зубцы шестеренок захватывают одна другую. Не успеешь опомниться от одного, случится что-то другое, это другое — приведет к третьему, а может быть и возвратит вас уже к позабытому первому. Читатель чувствует неправдоподобность многих моментов, по временам злится, но продолжает читать, или может вдруг захлопнуть книгу на какой-то странице и бросить. Все зависит от степени его любознательности, его вкуса и терпения.

Достоинство «Непобедимой Армады» — ее интересный общий фон, на котором развиваются действия, это — фонты гражданской войны, которые автор старается передать на возможностях исторически правдоподобно; интересен для читательской любознательности и легендарный рассказ о самих сокровищах. Но авантюра в целом и идейное ее разрешение остаются схематичными, острые углы этой схемы часто выпирают, несмотря на триковую изобретательность автора. Отдельные же герои — вроде того, когда один из героев романа, привязанный на веревке к поезду, успевает на всем ходу несколько раз броситься на землю и снова вскочить на ноги и ряд других — остаются на совете автора.

Любителям захватывающего чтения — а многие из молодежи к этому особенно склонны — все же найдут в романе пищу, близкую их революционным симпатиям и воображению, требующему приключения.

Б. Л.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Д. Шкуину (Ленинград). В пришедших стихах вашего есть ряд достоинств. Тематически в настоящее время ряд из них не подходит — заглядывай к гидробиону. Лучшее — «Из дней грозы», но оно оценю и выговорю не ту же тему — гражданскую войну. Будет что новое — прислаивайте.

Г. Сидиханину (Рыльск). Одной «хоты писать» мало. Надо еще иметь основание для того, чтобы писать и печататься. Это основание — талант. Может быть, он у вас и есть, но пока он скрыт, невидим за бровью в глаза малограмотности. Кроме литературного, вам еще не хватает общего развития. Приобретайте его и не спешите печататься.

В. Уго и уш е м у. По одному стихотворению трудно судить о ваших поэтических способностях, но субъективно мысли, а при детальном рассмотрении и бессмысленности текста, портят все вашу работу.

Если можно еще слышать званья, ветер, взыскать, то оценю условия для слуха: травянистые волны и грусть.

Забываете не только о рифме, но и о смысловой увязке слов. Я. Колыбасовскому (Томель). Ваши стихи продолжают страдать болячкой вычужденности. Не пойду. М. Ликтихи (Томель). Напечатать ваши стихи не можем — они слабы по форме, мало интересны по темам. Попишите пока в вашей степной газете, поупраблите печататься в ваших рыльских газетах.

М. Чеботареву (Баку). Стихи не выдержаны в рифме. Пользуясь с такими понятиями, как «стоп», «ударение», и с такими терминами, как «корей», «дактиль», «ямб» и т. д. Это порождает слог разрозненной поэтической слух. Присланное не пойду.

А. Бацурину (Днепропетровск). Стихотворение ваше хорошо

написано. Но зачем вы берете такую мелкую тему, которая не может породить больше двух четверостиший. Наше мнение, что вы способны осилить материал более благородный. Прислайте еще.

Н. Бабину (Ленино). Как первый опыт, присланное страдает значительными недостатками. «Песня» вообще не пригодна к печати, по крайней мере, в нашем журнале, а остальное требует большой обработки. Советую вам самим заняться ею.

И. Ренизову (адрес не указан). «На смерть Ленина» — тема возмущающая и поэтому очень интересно обработанная. Бумаг стихотворения не удалось доставить вам, выделенными его из длинного ряда стихов на эту тему написанных, но... не напечатанных. Прислайте другие.

ОТВЕЧЕНО ПИСЬМАМИ

Г. Матвеевскому (Ленинград). Благодарю (Мухоморов). В. Волыгину (Ульяновск). Ключе (Канаино), Каракаизу (Николаев), Колосову (Маршанск), Андрееву (Киев).

ПРИСЛАННОЕ ОЧЕНЬ СЛАБО НАПЕЧАТАТЬ НЕ МОЖЕМ. Т. т. рекомендуем заняться самообразованием:

Г. Григорьеву (Москва), Мирнову (Шклов), Арнаевскому (Кремучку), Жиркову (Колызино), Воевоку (Салтыковка), Каришкелю (Киев), Пачину (Рязань), Осенину (Новая Бухара), Шабловскому (Клиппы), Куняевскому (Москва), Ерезову (Амударья), Астафьеву (Москва), Гарбузову (Архипов).

НЕ ПОЙДУТ

Тарасову (Орел), Дроздову (Орбуров), Бычковскому (Москва), Рычкелю (Харьков), Бутенко (Ленинград), Колыбасовскому (Томель), Грекову (Стан. Черкаска), Семенову (без адреса), Ильякову (Киев), Туманову (Орбуров), Илларионову (Москва), Матусевичу (Свердлов).

СОДЕРЖАНИЕ

Л. НИКУЛИН. — Через поколение (рассказ); П. Л. — 2^я вдохновения и 88^я поха; И. ДВОРЯНИН. — Будни (стихи); И. ОГНЕВ. — Сады динозавра (повесть); Л. БАРХАШ. — Женственность и физкультура работниц; И. ПОГОДИН. — Большая политика; Т. ПЕТРОВА. — Асанка (рассказ); Дм. ЕУХ. — Два Берлина (очерк); Б. ГАЛИН. — Фор в Златоусте.

«Парижская Коммуна»; Иск. ПОПАТИН. — Млнларный клад Соликамса. Электрические чудеса.

Подробные условия всеобщего состязания молодежи на лучший стрелковый кружок и лучшего стрелка. Новости науки и техники. Библиография. Шахматы. Ответы.

Иллюстрации: Ю. ГАНГА, К. РОТОВА, М. ХРАПКОВСКОГО.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПРОЛЕТАРСКОЕ СЛОВО»

Отв. редактор И. БОВРЫШЕВ.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский
переулок, д. № 3/4. Тел. 1-65-13Рукописи принимаются, написанные на ма-
шинке или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ТРУХИТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗВОД «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 коп.	3 руб. 60 коп.
• 6 мес. — 12	1 — 90
• 3 — 6	1 — 45
• 1 — 2	1 — 22
Отдельный №	1 — 10

Подписку принимает Редакция Перевалочского
Издательского Управления «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

УСЛОВИЯ ВСЕСОЮЗНОГО СОСТЯЗАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ЛУЧШИЙ СТРЕЛКОВЫЙ КРУЖОК И ЛУЧШЕГО СТРЕЛКА

5. Кружок, желающий принять участие в состязаниях, должен зарегистрироваться к 1 мая в местном совете ОСО-Авиахима.

6. Порядок проведения конкурса на местах, количество призов и условия их присуждения, порядок присылки результатов состязаний в Центральное Жюри Конкурса (Москва) будет опубликован в следующем номере.

1. В соревнованиях могут принять участие стрелковые кружки (секции) фабрик, заводов, учреждений, клубов и др.

Примечание: Конкурс не распространяется на кружки о-ва «Динамо», на части Красной армии, а также стрелков, имеющих призы за всесоюзные, губерньские и междугородные состязания.

2. В конкурсе участвуют лица до 23 лет включительно.

3. В соревнованиях могут участвовать исключительно стрелки 1-го и 2-го классов, т.е. имеющие достижения на 50 метров из малокалиберных винтовок не ниже 48 очков по мишени № 7.

4. УСЛОВИЯ СОСТЯЗАНИЙ: дистанция — 50 метров, стрельба — из малокалиберных винтовок всех образцов с открытым прицелом, положение — любое с руки без упора, количество патронов — три предварительных и десять зачетных для каждого стрелка, время — десять минут, мишень — № 7, оценка результатов — сумма очков.

Состав Центрального Жюри:
Наркомвоенмор и пред. Реввоенсовета т. Ворошилов,
С. С. Каменев, т. Буденный,
генеральный секретарь ОСО-
Авиахима т. Алексинский
и представители: журнала
«Смена», «Комсомольской
Правды», ЦК ВЛКСМ,
ВЦСПС, ВСФК, Красной
армии.

ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЕ

Л. НИКУЛИН

РАССКАЗ

Рис. М. ХРАПКОВСКОГО

Завтра был великопостный утроб, в золотой чешуе первых утренних лучей. Солнце поднималось из залива и первые лучи ударяли в окна белых домов на горных высотах. Затем лучи опускались к золоту солнца и всхливали в зеркальных окнах белых мраморных дворцов. Золотой диск солнца испускал над Средиземным морем. Солнце дробилось и сыпало в витринах магазинов, в дверях и окнах гостиниц и кафе на набережной. И когда солнце прирпало плиты набережной, золотой песок пляжа и пальма на берегу по узенькой горной улице, один за другим медленно спускался дядя старика.

Один — высокий, стройный в серо-буром сивини седли.

Другой — маленький, пысыл, морщинистый и сухой.

Один — в белом, свободном пиджаке и широкополый, соломенный шляпе, другой — в черном, над духа застегнутом и старомодном, и сивоме цилиндре.

Высокий старик спустился с горы. Там мраморные дворцы уступают место

томобилей и велосипедов. Маленькие ослики, медленно перебирая ногами, несли тяжелые корзины, полные роз и нарциссов. Огромные омнибусы, дребезжа, катились по железнодорожной станции к гостинице. Каждая полчаса к пристани подходила белый пароходик и шумная толпа — барышни-прошпашими и служащие гостиниц — тарошили проходила мимо стариков. Затем пароходик уходил и, отбывая мыс, исчезал в глубинах Средиземном море. Иногда на горизонте сарид ангагом испускал дым большого океанского парохода. И тогда оба старика поднимали глаза от газет и следили за медленно уходящим димом.

Старик в черном первый начал разговор: — Прекрасное утро, сударь. Не правда ли? — Прекрасное. — Весна этого года не обещает сорриориза. Помните прошлогоний бурю?

Высокий старик поднял голову и пристально посмотрел на собеседника.

— В мае предстоит тяжелый путь, сударь. Обратный путь.

— Я прирпик.

— За мой прирпиком. Я не рискую возвращаться пешком. При том — жара. И высокая даспю — се шутка, сударь мой...

— Мы — одиолетчи.

И оба глядели в море и молчали, пока солнце поднималось над линией горизонта и накаляло белые плиты набережной. Как чудогоний несра, разоривались в голотичные дыты над витринами магазинов и окнами кафе.

Высокий старик надел шляпу и, кивнув соседу, уходил. Бодро, не сбываясь, поднимался вверх по горной улочке к белым домам и виноградникам на горе. За стариком в черном прирпиках сползавший серогубый автомобил и в пять минут прирпикал старика к воротам мраморной виллы.

Была середина марта и тихое утро, великопостное утро на этом южном, великопостном берегу. И день за днем и стрелы шли на набережной газет стариком в старомодном цилиндре и седой, похой на пророка, старик из белого дома на горе. И один читал "Action Française, а другой — "Humanité" — газету французской коммунистической партии.

Старик в белом спустил газету. И мягкий, теплый ветерок шептает газетой, как флагом, широко разериву первый, заглавный, лист.

Стариком в черном оглянулся на газету. В свои старые очки он отчетливо видел скелетку и в дырку и рисунок баузины с флагом и две разные даты — год, месяц и число, год, месяц и число. Он поирпичился и посмотрел на старика в белом. Но тот не смотрел на него. Он смотрел вдоль набережной в несей кой-то.

— Кого вы видите, сударь? — спрашивает стариком.

— Мой внук, — сказал высокий старик, — мой внук работает в туниесе. Сегодня он рано кончат работу. Он обещал прийти за мной.

Мягкий, теплый ветер вдруг долетел изза миса, прошепестел и вернувшись назад, принес едкую, белую пыль, кашку и бросил к ногам сухого старичка газетный лист с рисунком и датой.

— Да, — кашкунул, сказал стариком, вглядевсь в рисунок, — вытиссет шесть лет. Пятдесят шесть. Не шутка!

— Пятдесят шесть лет, — залуничю повторил другой старик. — Странно, что теперь, к концу жизни, многое поинишь лучше, чем двадцать и тридцать лет назад.

— Пожалуй, вы правы, — сказал стариком в черном, — вот и дрение угадывается с стариком. Впрочем, про себя я этого сказать не могу. Полвека назад я видел много лучше... — он засмеялся сухим, коротким смехом.

— Полвека?

— Именно полвека! Вернее, вытиссет шесть лет назад в Версале. В Версале стариком поднял голову и пристально посмотрел на собеседника.

— В Версале? Вы были в Версале в пятьдесят шесть лет назад?

— Разумеется! А где же мне быть? — сказал маленький стариком, — где могу быть в то время володой поручик из Сан-Сирево военной школы? Разумеется, в Версале! А вы, сударь мой, — с легким пренебрежением продолжал стариком, — где вы были? Где-нибудь в провинции, я полагаю...

— Нет, — сказал другой старик. — Я парижанин. Я был на левом берегу Сены. Я был на барикадах.

Солнце поднялось высоко над морем. Огни-надающий поезд с проходом пролетел над улицей, позади гостиниц и магазинов и пропал в горах.

Маленький, пысыл, сухой стариком селелся и, застегивая перчатки, спросил:

— Стало быть... вы из этих...

— Я член коммуны семидесяти первого года.

ви виноградник и маленьким, белым домиком виноградной.

Пысыл стариком приходил из белого мраморного дворца, на белой виллы с мраморными львами на воротах. Стариком в спортуке, медленно стлбля ноги, спускался на набережную к гранитной балюстраде. Морщась и кряхтя, усаживался в большое, плетеное, похожее на корыту кресло.

Старик с одами курями устранивался на каменной скамье, снимал шляпу и теплый, морской ветер играл сто серебряной бордой.

Утро, и газетчики звонкими, пронзительными голосами выкрикивали назавания парижских газет. И каждый раз оба старика окуливали у газетчика две разные газеты.

Седобородый старик — Humanité, газету французской коммунистической партии.

Пысыл, гладкобритый стариком — L'Action Française, газету французских фашистов. Он вынимал из футляра выгусские очки в золотой оправе. Высокий старик читал без очков, беззачую шавеля губами.

Впереди — Средиземное море, позади — набережная шумного, прославленного курорта. Шивали на поплировачной асфальте шны аи-

— Какореника! — вслбывался, воскликнула сухой стариком. — Старый кагореник!

— Палец! — ответил высокий старик. — Старый палец!

Старичок в черном засмеялся перчаткой, поморщился и отвернулся.

Оба молчали. Оба глядели в море. Маленький лысый старичок видел Версальский парк, австрия, фонган, Ферриереси и павлины, офицеров и дам и может быть, видел пленных, в поту; в грязи и крови, вливаемых коммунистов, загнанных в душевые, унесенные меньше-сводило.

И высокий старичок тоже смотрел в море и в дыму удалявшегося парохода видел дым пожаров, подбитые пулями и баррикадами и дымом выжженных, а дыме знамя над последней баррикадой предмета.

Парень показал ему кулак и закричал вслепую:
— До свидания, лысик!

— Да, сударь мой,—пробормотал лысый старичок и исподтишком посмотрел на соседа.—Стало быть, мы с вами пятьдесят шесть лет назад...

Он посмотрел другу на друга и один вывел другого как бы сновидением, в котором дым, искры и пламя пожаров и боя.

— Что ж,—медленно произнес высокий старичок,—ваша жизнь. Однако, теперь посмотрим!—Он взмакнул как флагом газетой, заглавным листом газет.

— Категориями!—захлебываясь, воскликнул сухой старичок.—Старый категориями!

— Палач!—ответил высокий старичок.—Старый палач!

Пятьдесят шесть лет, полвека, растянул как дым, и они стояли дружно против друга—высокий старичок на белом диване в горах и лысый старичок на красной площади.

— Странно,—вырвалось у высокого старичка звонкий, молодой голос.

Здоровый, широкоплечий парень прыгнул и выскокел и подложил руку на плечо высокого старичка.

— В воскресенье с утра я заеду за тобой. Жанна не дает мне покоя. Пора повидать девушку.

Он вытер ладонью пот со лба и сгрюхнул с бархатных штанов дорожкою, едуя плу.

Серо-голубой, сидящий автомобиль подкатил к краю тротуара. Тщедушный молодой человек в зашином кепи и автомобильных очках закричал парню:

— Разин! Убери твои колеса, а то я сделаю из них ящик!

— Попробуй,—вселею крикнул широкоплечий парень и, одной рукой подложив велосипед, отодвинул его в сторону.

— Разин! Ты худощавый молодой человек лысому старичку.—сгорная Польша ушел!

— Разин! Убери твои колеса, а то я сделаю из них ящик!

— Попробуй,—вселею крикнул широкоплечий парень и, одной рукой подложив велосипед, отодвинул его в сторону.

— Разин! Ты худощавый молодой человек лысому старичку.—сгорная Польша ушел!

— Разин! Убери твои колеса, а то я сделаю из них ящик!

— Попробуй,—вселею крикнул широкоплечий парень и, одной рукой подложив велосипед, отодвинул его в сторону.

— Разин! Ты худощавый молодой человек лысому старичку.—сгорная Польша ушел!

— Разин! Убери твои колеса, а то я сделаю из них ящик!

— Попробуй,—вселею крикнул широкоплечий парень и, одной рукой подложив велосипед, отодвинул его в сторону.

2% ВДОХНОВЕНИЯ И 98% ПОТА

П. Л.

Так определил свою жизнь великий изобретатель Томас Альва Эдисон, когда в феврале месяце этого года Америка торжественно праздновала 80 лет со дня его рождения. И действительно, трудно найти человека, который обладал бы такой блестящей работоспособностью, как этот старик-американец, подвизавший изобретения, а числе которых—электрическая лампа, граммофон, кино.

Первый раз Америка узнала об Эдисоне, когда в управление крупной американской железнодорожной линии поступило заявление: "Пропу разрешить мне на участке вашей дороги Порт Уэстон—Детройт продавать газет, фрукты и сластей." И под заявлением подписан: "Альва Эдисон". Эдисону в то время было 11 лет, и заявление было им подано после окончания его из деревенской начальной школы за "магистратурность". Он прочувствовал в ней только 3 месяца, и это было его единственным систематическим школьным образованием. До всего остального он дошел самоучкой.

Важнейшим из многочисленных изобретений Эдисона по справедливости считаются фотоаппарат, кино и электрическая лампочка накаливания. Каждое из этих изобретений создали вокруг себя новую отрасль промышленности, ввели в жизнь целый ряд новых изобретений и настолько вошли в плоть и кровь культурной жизни человечества, что сейчас нет возможности представить себе современную науку без фотоаппарата, кино и электrolампы.

Первое из этих трех изобретений—фотоаппарат—дался Эдисону почти случайно. Говоря в телефонную трубку, Эдисон несомненно заметил, что маленький шпильчик, находящийся в трубке, царапал его руку, когда он начинал громко говорить. Выглядеть наблюдал за этим явлением, Эдисон заметил, что шпильчик приводился в колебание звуком голоса и таким образом

касался его руки. И тут ему пришла в голову мысль устроить такой аппарат, в котором шпильчик царапал бы поверхность вращающегося валика, отмечая таким образом все колебания человеческого голоса. И изобретение—проводя затем тщательным по этим следам, он проинвентарил бы те же колебания и давал бы впечатление записанного на звук. Там найдена была Эдисоном основная идея говорящей машины.

Далее и кропотливые улучшения и усовершенствования, введенные в нее Эдисоном и его учениками, превратили первый фонограф в точнейшую машину, идеально воспроизводящую записанный ею звук. Из этой же идеи родились и современный граммофон, получивший мировую известность и мировое распространение. И совершенно напрасно поклонники радио говорят, что теперь грампластины уже уступают свое место радиоприемнику. Радиоконцерты можно слушать только в установленное время, независимо от досуга и настроения. Граммофон же всегда к вашему услуге хранит голоса уже умерших людей и однажды сгарнувшую музыку, которую вы можете использовать в любой момент и для любых целей.

Изобретение кино дало Эдисону несравненно труднее. Несколько лет напряженной работы и 100.000 долларов надо было израсходовать прежде, чем на всемирной выставке в Нью-Йорке в 1892 г. появились первые—предельно—кино—кинетоскоп Эдисона. Это был простой прибор с небольшим отверстием, позади которого намотаны длинные изображения движущихся предметов. Лента эта, пропущившая через целый ряд роликов, подхо-

Как на одно из последних оригинальных практических применений грампластины в промышленности, можно указать на последнее интересное изобретение Эдисона, описанное в заметке "Музыка и труд" (см. стр. электрические мускулы).

за, наконец, к отверстию в ящике, и человек, смотрящий в это отверстие, при чудесной скорости движения ленты наблюдает впечатление непрерывного движения. Такой был первый кино.

Прошло 30 лет, и кино из крошечного смехотворного шкива Эдисона, в который мог смотреть только один человек, вырос в колоссальный гигант—в современную мировую кинематографию. Достаточно сказать, что капитал современных кинопредприятий достиг грандиозной цифры в 6 миллиардов рублей (6.000.000.000 р.). На всем земном шаре насчитывается 40.000 кинематографических театров, из которых на долю только Соедин. Штатов Св. Америки приходится около 16.000, посещающих ежедневно 5 миллионов зрителей.

Но не только в Америке, родине и стране кино, оно быстро получило такое колоссальное развитие.

За один только 1922 год Германия вывезла около 400.000 пудов сарай пленки для кино-съемки, протяженностью в 1 миллион верст. Этот пленочный материал было бы оплотить земной шар по экватору 25 раз.

За последние годы бурно начинают развиваться новая область в кинематографии—научное кино. И уже сейчас нет ни одной мало-мальшюй приличной образованной научной лаборатории и учреждения института, которое не пользовалось бы широко в своих работах, помощью кино. И можно с уверенностью сказать, что пройдет еще несколько лет, и кино войдет во все области нашей жизни, став чрезвычайно популярным и в школе, и в фабричном производстве, и в научных открытиях и изобретениях.

Вся эта грандиозная отрасль современной культурной жизни человечества, выросшая из маленького ящика Эдисона, на который, кстати сказать, обратил так мало внимания при его первом появлении.

Уже известный ученый, с целым рядом мировых изобретений, Эдисон как-то высказал мысль, что можно получить свет, накаляя тонкую нитьку какого-нибудь вещества пропуском через него

электрического тока. Ученые всего мира поливали его на смех, называя эту идею смешной, вздорной, неосуществимой. Но Эдисон был упорен и энергично начал опыты в этом направлении. Первые месяцы не дали ему никакого успеха: волоски или перфорации или давали тусклый свет.

Соворшило случайно Эдисон наталковается на угольный волосок, и у него создается впечатление, что именно уголь и является тем материалом, который ему нужен.

Эдисон верил всегда только в один путь, который может привести к нужной цели,—опыт. И он начал обугливать буквально все, что могло гореть.

Эдисон увидел однажды бамбуковый чер, сорвал с него катушку и стал ее обугливать. Получился уголек, давший свет, который был лучше, чем при всех его прежних опытах.

Эдисон засел за изучение всего, когда-либо и кем-либо написанного о бамбуке. Тут он узнал, что имеется свыше 1000 видов бамбука в самых различных странах.

Он рассылает агентов во все страны для собиранья всех разновидностей бамбука. Один едет в Вирну и Китай и в своих поисках проходит 50.000 километров. Другие отправляются в Центральную и Южную Африку, в Гватулу, на Цейлон. Одновременно с этим сам Эдисон ведет опыты с древесной сахарной тростника.

В результате: 6.000 произведенных обугливаний и находка, наконец, нужного тростника в малярных районах на берегу реки Амазонки.

Через несколько месяцев после этого открытия приглашенные к Эдисону члены городской думы Нью-Йорка были поражены невиданным зрелищем: среди ночной темноты деревня его парка невозможно засветилась сотнями огней. Это горели пригосью-енные им угольные лампочки накалявшие.

На недавнем торжестве по поводу его 80-летия Эдисон говорил собравшимся, что изобретения не даются «с насюкку», что все они требуют кропотливости, упорной, упорной работы. «98% пота—вот то основное, без чего не может быть большинства изобретений».

Желая проверить его, один из присутствовавших спросил, сколько опытов было сделано при изобретении им электрического аккумулятора.

«Право, затрудняюсь сказать,— было ответом.—Мы исчисляли наши опыты сериями с 10.000 номерами в каждой серии. Конечно одну серию, мы начинали следующую. Я знаю только, что опыты с этим прибором составили 4 или 3 серии. Значит, было сделано тысяч пятьдесят опытов».

Сейчас Эдисон жив, он попрежнему работает в своей громадной лаборатории у подножья Оранжевых гор, и, кто знает, какие еще изобретения подарит миру этот великий американец, не кончивший даже начальной школы, но обладающий такой редкой трудоспособностью и исключительной жождой знаний и изобретательства.

БУДНИ

Кричал я сердцу: дальше грусть!
Не мне грустить в отрешных шкстах,
Ну, прозвбал, так что же—пусты
Я вновь рожден, весной согретый!

Старинный навык корчевал.
Врагов насмешки, ругань слышал.
А—приходилось—ночевал
Под голубое неба крышей.

Мне всякой недруг на пути
Мешала, подставляя ноги.
Но я сумел друзей найти
На незаезженной дороге.

Я вижу крепкие леса,
Шагающих по ним рабочих...
Поют заводов корчуры,
А дни о будущем хлопчоту.

Пусть наша юность ответит!
Нас на поегу другие сменият...
И эти будни—наши дни—
Они по-своему оценят.

Иван Дворянкин

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Повесть Н. ОГНЕВА, рис. Ю. ГАНФ

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО: Профессор палеонтологички Дормье совершает научную поездку в Монголию. В Москве он неожиданно лишается своего помощника. Некто Френкель берется помочь ему и найти местоположение Комсомольца Сивистуну «сего профессора». Френкель также присоединяется к путешественникам. И вот все трое выезжает к отъезду, Монголия—первый этап их путешествия и приключений

8. Чортова колесница

...И вот, член Французского Республиканского Палеонтологического Общества Жан-Марин-Франсуа Дормье, профессор трех университетов, кавалер ордена Почетного Легиона, и прочая, и прочая,— несется, подпрыгивая на каждом ухабе,— куда-то в даль пустыни, среди высокой и жаркой травы; несется он и на очень странном сооружении, которое только с приблизительностью можно назвать повозкой. Сбоку и сзади, с тихим, криком и удлинённым вскачь несутся верховые в нелепых остроконечных шапках и в халатах... Но самое главное во всей этой бредовой скачке это то, что можно назвать движущей силой. От повозки вперед протянуты отгбли, к ним привязан поперечный брус; концы его с обеих сторон грудью и руками поддерживают двое всадников—и в отчаянной скачке увлекают колесницу с профес-

сором вперед... Когда эти всадники устают—они гнут брус со всем грузом вперед не меньше чем лошади под ними—раздается свист—сзади или сбоку подлетают двое верховых на смену, на полном скаку подхватывают брус—и чортова колесница, не замедляя темпа, вновь и вновь устремляется в жаркие объятия пустыни.

Профессор Дормье—в Монголии, и его почетным транспортом по открытому листу из Верхнеудинска препровождают в столицу Монгольской Народной Республики—Улан-Батор-Хото (Красный Богатырь)...

Справа от профессора сидит товарищ Френкель и чертыхается на каждом ухабе. Васка Сивистуню остался в Кыяте упаковывать на грузовик Центросоюза багаж экспедиции—и выедет позднее. Френкель держится руками за сиденье—и прокликает себя за то, что не остался с Ваской.

Но профессор Дормье доволен: он—в сердце Азии, где сделано столько великих

открытий... В мечтах он уже открыл столько гигантских костей неведомых чудид, что ахнул этот шарлатан, профессор Ж. Чалленджер... Вся ученая Европа, обе Америки—движутся этим открытием... Но профессор Дормье—не честолюбив и не тщеславен: он отклоняет приглашение на все эти конгрессы, избравши в члены разных обществ и—даже орлена... Ему нужно только одно: во чтобы то ни стало собрать скелет нового, невиданного экземпляра ископаемого... Но допустим, скелет уже собран,—он достигнет 50 метров в высоту и 175 в длину,—все поражаются, и восхищенный ученый мир на торжественном собрании присуждает новому чудовищному шеру имя Динозавра Дормье, Дормье з а в р а... И тогда...

— Чччорт!—раздается рядом, и профессор летит параболой через борт повозки.

... Двое всадников... в отчаянной скачке увлекают колесницу профессора вперед...

— Шипшито такой?—кричит профессор, трещающий с размаху об землю. Но уже соскочившие с седла люди в овстро-конечных шапках толпятся кругом, размахивают руками и борются на непопуганном языке. Френкель охает и ругается по ту сторону свороченной в канаву повозки:

— И дюрт меня понес ехать на этой... на этой дьявольщине! Поехал бы вместе с Васькой на грузовике... Спокойно... и не трясало... Нет, вот до чего доводит проклятое лобобитство!

Френкель, кричя, помогает профессору ступить на ноги. Монголы в халатах подозрительно быстро ставят на колеса и чинят роковую повозку. Вскрикивают на лошадей и торжествующе гарцуют вокруг: дьявольская колесница готова продолжать свой путь. Но... Френкель шлепает своей череп, профессор потирает бок.

— Слушайте, профессор,—нерешительно говорит Френкель, за дорогу от Москвы до Верхнеудинска значительно освеживший свои познания во французском языке.—А что, если нам подождать. Свистунофа и сесть вместе с ним на грузовик?

— Свистунофф? — отвечает профессор.—Ничего не имею против,—сесть на авто приятней. Но... сколько километров нам осталось до города?

— До Улан-Батор-Хото километров триста,—говорит Френкель, определяя эту дыру по признакам, ведомым ему одному.

— Но где же мы будем ждть?—спрашивает профессор.

Френкель всматривается и видит группу юрт—монгольских переносных жилищ. Путешественники, хромая и покряхтывая, направляются туда. «Почетный транспорт» с недоумением следует за ними—шажком.

— А жалко, что не было кино-оператора,—думает Френкель,—чтобы заснять сцену ладения... Был бы боевой кадр...

9. Первый след динозавра

Первая же юрта, к которой подошли путешественники, была похожа на громадный опрокинутый котел, обмотанный войлоком. Окно не было. У самой земли была маленькая дырка, которую никак нельзя было принять за дверь. Тем не менее Френкель, а за ним профессор, скорчившись, полезли в эту дырку. Посреди юрты, на полу, несмотря на то, что стояла летняя жара, горел костер из кизячных плит. У угла лежал маленький ребенок. Еще пара ребят, совершенно голых, лежали у костра и с любопытством глядели на путешественников.

— Садися, бачка, айшай будишь,—сказал старик, сморщенный монгол.—Чай шибко хорош. Висуна, бачка!...

Действительно, над костром висел котел, и от него шел пар, наполнявший вместе с дымом внутренность юрты.

Старый монгол вытасил чашку из-за плазхи,—а на нем было только тряпик, широкий халат,—вытер чашку полкой, зачерпнул из котла и протянул Френкелю. Френкель боязливо взял чашку, чтобы не обидеть хозяина—пригубил и с размаху, не разобравшись, проглотил варевом. (Знание народных обычаев было одним из главных коньков Френкеля). Горячая горькая кашторка, помноженная на растопленный тухлый бараний жир, так жиганула пищевод, что Френкель, судорожно икая, полез на свежий воздух.

— Ай-й-й, бачка, хараша чай, шибко хараша, вку-усна,—послышался гостеприимный голос сади. Но Френкель, целясь за войлок, уже пробирался куда-то за юрту...

Следом за Френкелем, не будучи в состоянии выносить воздух юрты, полез и профессор. Увидя, что с Френкелем не благополучно, профессор решил воспользоваться временной остановкой и сделать кой-какие геологические наблюдения. Следует сказать, что профессор из общего багажа захватил с собою на дорогу геологический молоток.

Размяная растерянные посадкой в чортовой колеснице ноги, профессор и не заметил, как удалился довольно далеко от юрты. Кругом растелились безбрежные серо-зеленые настилина. Но вот, у самой дороги профессор увидел большую кучу камней—и, забывшая все на свете, устремился к ней.

— Гнейс... Гранит... Архейская группа,—забормотал он себе под нос, рассматривая камни и откармливая их один за другим в сторону «Неархиз... Известняк... Как жалко, что нельзя их захватить отсюда для сравнения с музейными образцами!...

Мало-помалу, в пылу научного азарта, профессор взобрался на самую вершину кучи. Но тут раздался пронзительные горганные крики, профессор обернулся и увидел перед собой туземца с гневным лицом. Профессор недоуменно посмотрел на него.

— Окка, русска! Лзай, русска,—ока!... Окка! тенгри! (Окка—священная куча камней, около которой предполагается присутствие духов. Каждый проезжающий монгол оказывает уважение этой куче, приседая к ней еще один камень. Обычай этот, как и другие суеверия, не выветривается до сих пор отчасти потому, что около 40% мужского населения Монголии состоит из лам—духовных лиц).

Профессор слез с кучи камней, достал пинцетный и туземец сразу сделался снисходительней. На его физиономию расплылось подобие улыбки, и он произнес:

— Мая—лама. Будда есть!

Дальше он показал во все стороны руками и затем ткнул пальцем в профессора. Профессор догадался, что лама спрашивает его о направлении и целях его пути, и решил объяснить. Для этого профессор показал руками размер тех костей, которые ему хотелось найти. Видя, что этого мало, профессор по общему увлечению увлекся и нарисовал на песке сначала скелет, а затем предполагаемый вид трехрогого динозавра.

— Даракона,—немелленно решил лама и показал профессору куда-то на восток.—Тама, тама даракона!...

Профессор был в восторге, что лама так быстро его понял. Конечно, профессор не был настолько наивен, чтобы предполагать, будто где-то на востоке имеется живая трицератопс.—но почему же не быть там—где-нибудь во льдах или в пещках дальнего консервированной туше трицератопса, на манер сибирского мамонта. Все возможно в наши богатые научными достижениями времена... Но профессор увлекся еще больше, и для проверки своих предположений сначала ткнул пальцем в рисунок «дракона», потом стал на четвереньки и «грозящее зарычал...»

Лама сначала посмотрел на него в недоумении, потом, словно догадавшись, хлопнул себя в грудь и протянул профес-

10. Ламя медицина

Так как ни Френкель, ни профессор не хотели больше пользоваться «почетным транспортом», верховые ящики могли бы спокойно отправляться во-свои. Но они предпочли пустить лошадей пастись, а сами расположились в юртах и занялись мирной беседой с човечниками за кумысом и чаем. Грузовик все не шел, ночь наступила, принесла холод. Путешественники рассчитывали переночевать на воздухе, но к полуночи стало так холодно, что пришлось лечь в юрты.

Ранним утром путешественники вылезли из юрт совершенно озябшими и разбитыми. Френкель, по своей нетерпеливой натуре, никак не мог усидеть на месте, поймал одну из монгольских лошадок и уехал навстречу грузовику. Профессор же, зависшись на этот раз револьвером, отправился побродить по окрестностям — но в сторону, противоположную кладбищу.

Френкель проездил полдня, грузовика не встретил, страшно обурчался и вернулся на место стоянки. Здесь с ним произошло несчастье. Когда Френкель сосканил с лошадки, у него повернулись ступни, и он упал на землю. Было очень больно, и Френкель позвал на помощь. Тотчас на помощь прибежали ящики из «почетного транспорта», подняли Френкель и внесли его в юрту. Так как Френкель слегка стонал от боли, ящики по-звали ламу. Лама осмотрел ногу больного, сделал несколько распрямлений, и ему тотчас принесли требуемое.

После этого лама засел в тот угол юрты, где имелись изображения Будды во всех его перевоплощениях, и принялся стирать медикаменты. Прежде всего спалхал глину с бараным салом, сдобрил этот состав чем-то подозрительным и вонючим и подошел к Френкелю. Несмотря на боль, Френкель с любопытством наблюдал за действиями лама. Лама же очень осторожными движениями потрогал больную и уже разную ящичками ногу, потом взял изготовленное им тесто и наложил довольно толстым слоем на больное место. Потом он встал, взвел руки кверху, и принялся бормотать.

— Буданнар—Алангоа, тенгри,— бормотал лама.— Танну-ул, Ула-шань тенгри... Русска-москова тенгри... (Буданнар— легендарный родоначальник монгольского народа, Алангоа— его мать, тенгри— духи, дальние названия горных отрогов).

— Слушайка, ты, китайский пол,— сказал Френкель.— От твоих заклинаний у меня ноги не проходит, а болит еще сильнее... Нет ли другого средства. Да сдери к зорту свое сало с ноги! Загрунтую бровь.

Вместо ответа «китайский пол» полез опять в угол, намешал там какое-то новое «лекарство», стал около Френкеля на колени и поднес ко рту Френкеля чашку с необыкновенно сильным запахом перегоревшей мочи.

— Это что же? ты хочешь, чтобы я вылил?— завопил Френкель.— Ну уж, это,

брат, лудки!— С этими словами Френкель наподдал чашку так, что содержимое плеснуло лама в лицо.

— Буда-Алангоа!— заорал, в свою очередь лама и бросился на Френкеля с кулаками. Так как лама был на ногах, а Френкель лежал, то очень быстро лама подмял Френкеля под себя и начал его молотить обоими кулаками, не соблюдая особенной величавости. Френкель отбивался, как умел, и звал изо всей силы на помощь. И помощь явилась.

Врадом с юрты раздался гулком грузовика, а в юрту вбежала Васька Сивистушка и одним ударом кулака отбросил лама в угол— прямо под многочисленные изображения Будды.

— Отпусти ему еще, Васька,— жалобным голосом попросил Френкель,— а то он меня чуть на тот свет не отправил.

— Сейчас,— ответил Васька с полной готовностью, высунил голову наружу, крикнул: — Шофер, поди-ка сюда!— а затем направился с угрожающим видом к лама.

Но вместо шофера в юрту влез профессор Дормье.

— Даракона, бачка, даракона,— забормотал лама и стал на колени.

— Так этот самый человек, который знает, где есть кости динозавра!— воск

... Профессор обhurнулся и увидел перед собой мушкетера с оченьым животом

кликнул профессор.— Френкель, скажите, чтобы Сивистушка его не трогал, это человек ценный!..

Френкель обясил Васиске в чем дело, и лама был прощен.

Через четверть часа, расплатившись с «почетным транспортом», экспедиция тронулась в путь на грузовике. Вместе с путешественниками на багаже восседал лама, который бормотал:— Даракона, даракона,— и показывал на восток...

(Продолжение следует)

Френкель... явля чашку... и с речашку... проговаривая слово

сору ладон. На этот раз профессор поощрил его двугривным. Тогда лама торжественно показал в сторону небольшого, скрытого высокой травой оврачка. Профессор вопросительно посмотрел на лама, тот важно кинул головой, и профессор двинулся к оврачку. Профессор с научным любопытством двинулся к оврачку, и в его обоняние ударила ужасной смрад... Профессор, преодолевая отвращение, стал спускаться в оврачек и увидел массу костей. Среди костей копались над чем-то собаки...! Вглядевшись в это «что-то», профессор распознал человеческий труп. Вне себя от отвращения, профессор нагнулся, поднял первый попавшийся камень и запустил им в собак. Собаки немедленно бросили свое занятие и устремились на профессора. Профессор попробовал отбиться геологическим молотком, но собаки вертели кругом, находясь вне пределов досягаемости. Еще немного, и палеонтологическая экспедиция была бы прекращена— но в этот момент раздалась хорошо знакомая профессору гик, крик, свист, улюлюканье, конский топот— и сильные руки подхватили профессора сверху.

— Хорошо, что мы встретили этого обворванного лама,— сказал Френкель, увидев профессора сзади себя на маленькую стениую лошадку.— А то бы вам, профессор, дорого бы обошлось это посещение монгольского кладбища. Разве вы не знаете, что монголы не хоронят своих мертвецов, а просто спихив их в определенное место на с'едение дикому зверью и собакам...

— Почему же вы узнали, что я пошел именно сюда?— спросил профессор.

— Да как же! Лама сказал вот этим молодцам, что вы спрашивали, где водятся собаки, и даже показывали, как собаки лалят... он вас и послал на кладбище.

В сопровождении «почетного транспорта» профессор и Френкель вернулись к юртам.

ЖЕНСТВЕННОСТЬ И ФИЗКУЛЬ

Л. БАРХАШ

Колонны спортивно мистифицирующей из парада фигурантурки втягивают в ряды от десятков тысяч движущихся впереди, являющихся в зрелище спиритом

Спортивное движение молодежи захватывает в своем грандиозном размахе массу городских и деревенских девушек.

Принимая участие в труде и общественной жизни, женщина стремится в занятиях спортом подражать мужчине, гнаться за его достижениями. Мы видим сотни и тысячи девушек, совершающих лыжные пробеги, состязающихся в скоростном беге на коньках, играющих в ручной мяч, баскетбол, хок-

Чемпионка Франции в метании диска. Движения, требующие рывка и значительных физических напряжений, повысили работоспособность, но зато уничтожили женственность и округлость форм, присущие женщине

В гимнастическом зале германского рабочего союза. Упражнения, развивающие самые разнообразные мышцы тела

кей, тренирующихся в плавании и т. д.

Нередко наблюдаются увлечения упражнениями, могущими нанести неизлечимый вред организму женщины. Известно, например, что в одном из деревенских кружков Саратовской губ. девушки вместе с парнями состязаются в поднятии гирь.

Почему необходимо установить определенное различие в занятиях упражнениями мужчин и женщин?

Женщина, уступающая мужчине в среднем росте и весе, имеет меньшую по объему и мышечную ткань. Так, у мужчины мышцы составляют 40 проц. веса всего тела, а у женщины—32 проц.

Конечно, развитие мускулатуры, а следовательно, и силы, зависит в большой степени от условий жизни и труда. Но наблюдается, что у женщин, несущих одинаковую с мужчинами физическую работу, мускулатура развивается значительно слабее. Имеет жировую ткань, составляющую обычно 28 проц. веса тела (у мужчин, в среднем, 18 проц.), женщина сохраняет в значительной части жировые отложения даже в том случае, если ей приходится нести тяжелую физическую работу или усиленно заниматься физическими упражнениями. При всех этих условиях остается свойственная женщине округлость форм, и мышцы на теле никогда так резко не выступают, как у мужчины.

Большее развитие жировой ткани в теле женщины объясняется необходимостью иметь известное количество запасной ткани в связи с теми тратами, которые происходят в организме во время беременности и кормления.

Имея обычно более длинное туловище, чем мужчина, женщина соответственно должна была бы обладать хорошо развитой мускулатурой для поддержания корпуса. Между тем, у женщин наблюдается недостаточное развитие этих мышц, особенно мышц спины, что способствует образованию круглой и сутуловатой спины, в результате так называемых привычных положений в процессе труда.

Необходимо учитывать строение таза и половых органов женщины. Только при достаточной ширине таза возможен акт родов, без применения искусственных мероприятий (наложение щипцов и т. д.).

При формировании таза большую роль играют условия жизни и труда. Значительное влияние могут оказать и занятия физическими упражнениями.

«Женщина с хорошо развитым тазовым дном и брюшным прессом может свободно бегать, прыгать и совершать ряд силовых упражнений. Она без ущерба для себя несет тяжелую физическую работу»,—говорит д-р В. Гориневский.—При слабости тазового дна внутренние половые органы—влагалище и матка—мо-

Норвежские работницы выполняют фигурные кантанием. Один из лучших видов упражнений для женщин

ТУРА РАБОТНИЦЫ

Тренировка женской футбольной команды. Резкие и сильные упражнения, мало подходящие для природы и организма женщин

гут опуститься, легко может наступить изменение их правильного положения».

Проф. М. Гирш приводит такой пример в книге «Здоровье и профессиональная заболеваемость женщины»: «В Тюбингенской (Германия) университетской женской клинике установили увеличение количества выпадения влагалища у девушек, во время войны. Объясилось это тем, что много женщин и девушек перешли во время войны, главным образом, из упавшей текстильной промышленности, в тяжелую индустрию, особенно на фабрики военного сооружения, где была более высокая заработная плата и оказывалось преимущество в получении сестринских припасов».

Но мускулатура тазового дна, ставшая слабой, вследствие сидячего характера работы в мирное время, не оказалась в состоянии справиться с требованиями, предъявленными тяжелой работой. Этим и вызывалось значительное количество случаев опущений и выпадений стенок влагалища и матки.

Более восприимчивой к неблагоприятным условиям жизни и труда оказывается женщина во время менструального периода, когда необходимо пер-

и развитию так называемой женственности, грациозности и т. д.?

Стремление быть привлекательной вполне естественно. Повинуясь этому стремлению, голосу инстинкта, девушка-работница с Трехгорной мануфактуры пудрится, одевает обувь на высоких каблуках, узкую модную юбку.

Важно создать общественное мнение в пользу сохранения привлекательности другими средствами: ухода за телом гармонически развитым, дающим хороший цвет лица, дающим ловкость и уверенность в владении телом.

танно, но и правильному физическому развитию, гармоническому развитию.

Работа на станке,—так же, как и движение пешехода, движения в пляске, как наше сердцебиение, дыхание—протекает в определенном ритме.

Такт можно уловить в шуме воды, лягаве машин, повторяющихся звуках самого различного происхождения.

В ритмической гимнастике слух улавливает в музыке такт, по которому продвигаются движения. С течением времени, по мере развития слуха и мышц, исполняются более сложные мелодии, более совершенными делаются и движения.

При правильной постановке, ритмическая гимнастика является хорошим средством изучения музыки, развития слуха, художественного чутья, и одновременно средством физического развития.

Сейчас по всему миру распространяются школы, проводящие упражнения физического развития и воспитания музана в движениях. Школы Д. Менцлер, Лабан в Германии, школы Асейдори Дункан, Н. Сап, Веры Майя в той или иной степени проповедуют художественно-прекрасные движения. Нужно толкнуть ритмическое воспитание и в рабочие клубы, нужно доказать нашим девушкам, что красота и привлекательность не в пудре, не в высоких каблуках, уродующих правильное развитие ног, не в модном узком платье, а в гармонически развитом теле, закаленном отбрызгиваниями, солнечными ваннами и воздушными ваннами.

Прыжок в воду. Хорошо тренированная фигура девушки-спортсменки

вые два-три дня уменьшать количество совершаемой работы и избегать излишнего напряжения сил.

Наша физическая культура должна учитывать не только биологические особенности женщины, но и условия труда, в первую очередь труда фабрично-заводского, как содержащего целый ряд неблагоприятных условий для организма.

Привлекая ее к участию в труде на равных условиях с мужчиной, за исключением только особенно тяжелой физической работы, мы должны физическими упражнениями подготовить женщину для этого труда. Под этим углом зрения следует рассматривать как спортивные движения, требующие резкости, быстрых сокращений мышц, так и пластические упражнения.

Упражнения в метаниях, в плавании, беге на лыжах, гимнастика на шведской стенке и других снарядах, такие виды спорта, как бег, прыжки,—способны повысить работоспособность женщины, не оказывая отрицательного влияния на ее организм.

Нужно ли стремиться в занятиях физическими упражнениями к сохранению

и соединяет движение и музыку по всем упражнениям. В отличие от однообразных движений механических танцев, ритмика в соединении с пластикой, с упражнениями спины, нижних конечностей и т. д., упражнениями гибкости и силы, в соединении с музыкой, способствует не только художественному воспи-

щих правильное развитие ног, не в модном узком платье, а в гармонически развитом теле, закаленном отбрызгиваниями, солнечными ваннами и воздушными ваннами.

Школа ритмической гимнастики Д. Менцлер в Германии. Хорошо тренированные, хорошо развитые физически девушки выполняют упражнения типичной гимнастики под звуки музыки. Направо—упражнения ритмической гимнастики под шум морских волн

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Очерк НИК ПОГОДИНА

Сани мой—
звонкие, как
гармонь. Сани
моя мои поют
чужде сны и
лесни на ис-
сужде в нем

морозом снегу. А дорога — белая, как новая ослепеть. А рассвет желтый у краев снежных равнин за туманными лесами, желтый у краев и дельнейший и синий над голозой чудесней земный рассвет...

Изябки дровище, укрытые соломой, обложенные приборами, как старухи, обмотанные тряпкой надьями поверх старомодной одежды. В окошках замороженных крикнет свет. У ворот залаяла добродушная собачка. Под деревьями в улочках синие на снегу, желтые блики света. Деревья обременены зимним уборством. Казань-то равнина ступануха-хозяйка скрипит ведрами и соблазнительно зявет на звездах.

— Язябик — кричу я, — так как же твой этот город называется?

— Изябик отвечает:

— Гусь Хрустальный.

Сказали про такой город — Гусь-Хрустальный? Вот слу удаюми, томи в саних типине и сдается мне, что будь тут центр хоть бы и гурберский и хоть на карте самыми крупными буквами начертан! — Гусь-Хрустальный, и все равно — будь здесь провинциальным тленим жини.

Принял меня язябик в гостищу. Домом для приезжающих зявет. В номерах живут ответственные люди занного города, в общеке на койках за полтинник в день маеся приезжий люд. Другого прималу в городе нет.

— Скажуте, милый, — говорю и упрямлю по домам приезжаю, — у вас, случаем, чистой простыни нет?

— Есть, — говорит упрямель, — в судушке, но вот ключи потерялись.

— Тактак.

А простыня проваздит мрачное впечатление... Отдохнем.

II

Простулся я с музыкой. На улице, где сверкала зимнее желтое солнце, гремел каини-то очень революционными мелодиями духовой оркестр. Она труба, самая большая и кришучка, парывала соловей громкие звуки и той трубе кричал кто-то в восторге и радости:

— Вали! Жин! Доказывай!

Почему оркестр? Почему — вали и жин? Что такое случается в этом городе? В календаре особых лет не имеется, кроме того, что ныне

воскресенье. А в такой мороз — никак 26 градусов — оркестр выйти на улицу. Там-то музыка.

Управитель гостищей сообщает мне:

— По случаю перевыборов в Совет северод-ное шестие.

По случаю перевыборов... шестие... Интересно поспереть. Выбегает на улицу. Там-то шум, ватаги веселых людей, массы лыжников, скользящих со синетом по дороге. Там едут ряженые на санях, как на маслинку. Ряженые ослепе, лютые, всевозможные, всех сортов. В общем — враги Советской власти. Едут, кричат, что-то требуют в защиту своих интересов, бунят и делают вид, что очень мучаются в присутствии шпайвор, комсомольцев и рабочего народа. Но какую борду ты не наден, как нос себе не раскрась, какое свирное выражение слоному лицу не придай, все равно тебя песь город знает.

И кричит хрустальщик одному из антисоветских элементов:

— Гаврюшка, сини борду, ты и так чудной!

— Нельза, Пал Вань, — разумительным тоном отвечает Гаврюшка, — потому роль играю. Буржуеж выведен я.

А буржуя без борды в роле как поп без кады.

Ряженые, как умеют, красочерно отговаривают народ не голо-совать за коммунистов, вообще не идти на собрания. Народ хочнет. Какой-то паренек, увлеченный представлением, сорвался «я самоз делю» и показывает Гаврюшке кукичи. Гаврюшка обижается и немедленно на буржуя превращается в Гаврюшку.

— Я представляю тебе, а ты мне дуэю... вот ирод.

— А можает и я представляю?

— Какое же это представляние, дуэю в вие... Терпи, Гаврюшка! — кричат рабочие, — терпи, выполняй задачу!

Гаврюшка умоляюще простирает руки вперед.

— Господа, обратите внимание... прому! Одумайтесь!

Кружатся, гомонят, смеется народ под веселым морозным солнцем. Сзади поют балладу, незлого нестерюлю пение.

III

Должен констатировать, как говорится, что отнюдь не такой

этот неудачный городок, каким он представляется мне с сани. И вот, когда побегает с шестием, — бегают томи, что мороз был чертов, — с тремя тысячами демонстрантов, когда холохало весте с ряжеными, вот тут-то и открылось лицо подлинного прострашного города.

В Гусь-Хрустальном население распределяется так: половина работает на фабриках, половина — по домашним делам. Ну, там есть служивные, паря-труды ослепе, несколько технических людей с фабрике составляют интеллигенция. А нетрудовой элемент — десяток-другой торговцев с плагатного базара, так что живет тут ослепе класс — чистые прострашники — хрустальники и тучи. У них перевыборы своего городского совета ирохают диним большой политикой. Они умеют с ирохотностью дичего, подумавшего дела выбирать совет. Вышли на улицы шумной демонстрации.

обушили тихие и е удили лесовым, разведали в ряжеными, а вечером в соброре, где прежде была истовая бояжья молба и ныне стал клуб, в соброре на светлом престоле устроили бал-ма скард.

Веселись, танцуй, пой, смейся! В самом деле, почему же не плясать? Выбравем совет — власть свою назначаем.

А рано утром, после бала, когда еще синело по окнам утро, к нам постулялись каини-то гости (и перешел на жительство к хрустальщику). Жена его осторожно выныгивала в сенцах, кто там и по какому делу — прогнать! пришли — пропичали за дверями приемыльщицу. — Вкусный, тетя. Не укуси.

Вкусная гостей. Выполнили они в коммуну. Беле от мороза, шестивше и валяные. Объявили, что вот всем ли здесь повести врученя в перевыборы совета.

— Если не всем, нашпем сейчас, — сказала девочка.

— Всем, милье, — умолялась хозяйка, — всем до одного. Деду и то прислала. А вы чья ж бурдет?

— Комсомольские, — улыбнулся паренек, — комсомольцы мы.

— Ни ты, государственные дела делаете?

— Обещательны.

Ушли они. Дальше побегали до свету прогнать, где не врученя повести. Вот как настоящий рабочий городок делает перевыборное дело.

IV

Под вечер у тихого серебряного садика, где армала белая тишина, и смотрел, как к театру шли дровище на лыжниках. Переглядывались, они медленно и трудно на извешных ногах. Дошли читали вывеску театра, сверяя прочитанное с адресом на своих повестках. Курьезыли что-то

Рассказ Т. ПЕТРОВОЙ, рис. К. РОТОВА

Утром Асанка долго варила коксу с картошкой. Потрескивали и корчились на огне желтые сухие ветки. В трубе гудел ветер. Выдувало дым и золу из дырявого очага. Серая пыль оседала на кипищей воде, на серебряной рыбешке. Протирал Асанка прижурченные от пепла глаза и думал об отце.

Раньше стреляла мать Асанки Айша. Тогда он только кушал и ничего не делал. Но весело было с матерью ходить на базар. Знал Асан: пойдет с Айшей и на свою долю чего-нибудь получит. А продаст дома—даже стручка перца потом не выпростит. Любил Асанка золотую хурму, из-за лепешки с инжиром готов был бежать на дальний рынок, за нижнюю пристань.

Но давно ушла такая жизнь. Никогда не забудет Асанка последней прогулки с Айшей. Тогда они с базара завернули на мол. К пристани высоким боками прижались заморские корабли. Полотняным лесом качались парусные суда. Бритые люди в синих и белых куртках с золотыми значками на шапках и веселые матросы бежали по самому краешку дамбы, перепрыгивали через протинуты с судов канаты. Асанка так не умел, но хотелось ему быть матросом, ходить в синей матроске с голубым отворотом.

Айша любила Асанку и желала отца, от-

того они понесли ему завтрак на пристань.

По длинной сходке с высоким туюком на спине спускался Асанка. Издали увидел Асанка отца и дернул мать за шарф. Быстро повернулся навстречу и пошел рядом. У весов мать говорила что-то, развела руки, наверно—просила денег. Заглянулся Асанка на огромные пушки, что торчали с кораблей, пока кто-то не свинула тубеетку ему на глаза.

Домой возвращались по Массандровской. В Матросском тупичке, поднимаясь по каменной истоптанной лестнице, мать часто отдыхла, держась за грудь. Вздрагивала корзина в ее руках, а в ней румяные баранки и смеющийся турок на кофейной жестянке подпрыгивали вверх. Слышал Асанка Хрипый посист у матери в горле, тяжким духонем вздымало живот. Осталось совсем темного ступенек, как с моря загрохло, перекашиваясь грохотом морез Асанку и гулом отдалось в горах. Айша вскрикнула. Только и видел Асан, как веселой козой запрыгала корзина по ступенькам, а за ней кубырнула Айша вниз головой. Мелькнули красивые чужаки на желтых ногах.

Вечером положили Айшу под синюю шаль с посеребренным полумесяцем. Два тоненьких плачущих огонька осветили белую мазанку. Притаялись тени в углах, где шептались старухи. Из коленях стоял отек и рассказывал мертвой Айше, как надсмотрщик грозил прогнать, если он

уйдет с работы к больной жене, а ему, Омеду, никому больше продать спон руки. Часто причитал Омед, поминал шайтана и Аллаха. А когда уюмок,—стало тихо, как в пустой мечети.

С той поры оступался Яйла белым зимним одежом. Трудно Омеду и Асанке жить без Айши. Отец с утра до ночи таскал на пристани тяжелые туюки, перекачивал бочки с известью и нефтью. Домой приходил лизый и голодный. Без него Асанка залез в горы, собирал херог и готовил Обед. А чего он может.

Забудькада в чугунке кокса с картошкой. Подмел Асанка венником глиняный пол, сел под окошко на старый железный сундук. Белье шерстяные чулки, что в прошлую зиму Айша связала, стал одевать на чумазые тоненькие ноги.

От ветра ставня билась в стенку мажонки. Гнудлось у забора одиалое тонкое дерцо. На полке старые отпавшие чашы чеканили скунды. Скучно Асанке глядеть в звенящее холодное окошко. Выбежал в садик, ставня наглухо задвижкой прижал. И тупичком спустился с горы на улину, где люди, где тише ветер.

У турецких кофеев, где швели олендры, сидели за столиками деловые армяне и турки, пили из беленных чашек густо заваренный кофе. Протри ним на асфальте отлщивала в корытчатой юбочке обезьянка, облезлая и старая, как ее хозяин, горбатый грек. Старик одной рукой держал за пепочку, а другой вертел перу-

друг другу старые вчерашние люди, в зелено-красных пиджаках, в шляпах и больших самодельных плащах, покрытых поверх шапок и картузов.

Шла одна старуха, как шар катилась, обмотанная множеством разных вещей и не докатылась до театра, свернула в сторону к деревьям и сделала, что требовало по небольшому делу. А озорник какой-то кричит: кто?

— Что-ж ты, бабушка, горд перед людьми конфузинь?

— А я, милый, лет на сорок старше тебя, с тобой тоже грех слушаться, так-то.

— Куда-ж ты плывешь?

— Плыву... чужаки... совет плазничать плыву.

— Ну, названная, названная.

...Так вот кого подняла на ноги переворачивая камнями в этом горле!

— Изут они, эти пейсеномеры, нивалды труда, бывае домашние хозяйки, курлыкают, сетуются.

V

Забегам еще на несколько минут на рабочее собрание. Тут нездорово. Много раз думали рабочие над списками, черкали их незлоудоро, каждого записали так обосудали, что с него пенки летели. Теперь осталось окончательно прогнети. Забегам... Комсомольцы до сих пор сетуются труднися над поменением, где сошлось собра-

ние чистили, вешали плакаты, орудовали, потому что совет выбирать надо с удобством, с приятностью... А так в грязи, в холоде, стая разве серьезное дело как следует сделаем?

Собрание эволюционно, шумит, не слышно, что там из президиума говорят. Дело в том, что тут намечилось два списка. Один предлагала ячейка. Это тот список, который обосудал и передавал профактив, тот самый, над которым трудились рабочие. Другой, добавочный составлен по отдельным предложениям от собрания. Так отсюда, вот от дверей кто-то потребовала, чтоб голосовали сначала последний список, а потом уже тот, который ячейка предложила: Оттого и шум, возгласы, споры. Оттого и упрямится товарищ из президиума:

— Успокойтесь. Давайте проголосуем предложение товарища. Итак, кто за его предложение—приву!

Глушут у гудя-суда. Кто же... кто? Рядом со мной сам предлагавший поднял руку и вдруг опущил. Впереди поднялась рука десять—двадцать.

— Кто за то, чтобы список ячейки голосовали первым?—сиронили из президиума.

Повадуй, не сочтите, кто за то, чтобы...

Председатель широко сказал:

— Большинство.

И пока они голосовали своих депутатов, к секретарю уюмок подошел с грустным разговором старей заводский слесарь. Он часто мор-

гал глазами, яма в руках какую-то бумажку и говорил:

— Как же, а?.. Я 32 года за станком... и меня лишили права голоса. Как же?

Секретарь уюмок прямо смотрел в глаза слесарю.

— Работника дома имелишь?

— Имею.

— Ловдаль и ловдоло имелишь?

— Скрываю, не стану—есть.

— Работает на тебя работник?

— В роде так.

— О чем же разговор?

— Сестра молчала. Рядом бумажку, кусочек брелка из олов. Вдруг вырвался как-то крепко и как-то вымучено.

— Жена, возмизает, все жена. Союзьясь. Поддали. Понизую.

Он протягивает руку секретарю уюмок.

— Вот даю честное слово претаретия, испралдось. Прядом честное к чертовой матери. Он оборачивается туда, где шумно продолжается еще голосовать.—Из семьи своей изгнни, чужой!..

В синей вешке двоиномы синетая, на лезенных синих чужаки из Гусь-Хрустального. Уюмок с собой хорошее чувство юности бодрости.

Страна Советов, я видел в эти дни как кровь, переливается по желтым туюкам.

шарманки. Острый горб торчал на спине. Протолкался Асанка поближе в толпу и увидел, как гримасничая обезьянка усеяла на камни, с лапок отряхнула грязь. Грек свил красную феску и отдал ей. Приседая и покуривая юбкой, обошла обезьянка столки. В феску на засаженный шелк посыпались медные, серебряные монетки. Хозяин высыпал денги в ладонь, сунил в карман и дернул пепучку.

Жадными глазами проважал их Асанка. Вот если бы отец мог обезьянку купить, тогда зачем ему работать на пристани. И Асанка не стал бы варить комсу с картошкой, а пошел бы на рынок в шашлыкные петь и плясать с веселой подружкой.

Красная феска мотула кисточкой за фруктовые будками и пропала.

К полдню море рассерело. Бурозеленые валы катились с горизонта и брызгами перекидывались через стенку мола. Длинным полусогнутым пальцем мол врезался в бухту. Вода проливалась сквозь пробойны камней и била фонтаном, заливая сложенный под брезентами груз.

Перепрыгивая через озеры воды, прибежал Асанка на пристань. Старое судно «Отчаянный» мотало из стороны в сторону. Канат, закрученный на «шпукну», подсканивал и хлопал по плитам. Отец в намоченных постолох принимал на скользкой сходне мешки из трюма. Внизу пятерка грузчиков, шатаясь от толчков, выгребала утопанную, как грязный снег, соль. Поочередно ставили мешки на доску, покрывая:

— Тини, пошевельвай!

И мешок за мешком проволочивал отец на пристань, где двое молодцов хватили их за углы и подкидывали на согбенные спины грузчиков.

Веселый, веселый грек Васаилид, а по-просту—Иваська, с туго зубоскалил над ними. Чудным казался ему Омед в мокрых постолох. Башлыком толкал угол надетого на голову мешка. По нижнему краю холстины бахромой висели капли дождя и сыпались на полотнояные, прилипшие штаны.

— Эй, Омед!—крикнул Иваська, прищуривая колючими глазами.—Воды в море и без тебя много, зачем же ты ее к нам таскаешь.

Отец повернулся и окинул хмурым взглядом Иваську:

— Ты у меня добреешься, кукуруза пареная.

Липо весовщика и грузь под распахнутым воротом лоснились, как смоченная бронза. Помощник его, Бекир Сабалдур, озорничал за одно с ним. Тяжелая папачка с'езжала на лоб. Бекир поминутно свингал ее на затылок. Ловко подбрасывая на спины мешки, подпевал:

Анань плеча выши
Другая выши,
У длюво— тышини,
А у другою— грывка.

Мешки на спинах укладывали в пакгаузы.

Юркий Асанка за всеми пошевал, путался под ногами. Выядал его весовщик и засмеялся:

— Поди сюда, цыган! Ты зачем носки белые одеял? Увидит отец—вылетит в загривок.

Скалил Асанка белые зубы и поглядывал весело на отца.

В трюме скорчали по доскам лопаты, поблескивали большие, как у шоферов,

очки грузчиков. Спустился Асанка вниз, дернул одного:

— Дядька, дай очки поносить. Дождика нет и пыли нет, они тебе ненужны. Если бы ты везе посыл!—захмулся дядька мешком и посыпался белым туманом соляных брызг.

Упярая из трюма, Асанка затормошил Омеда:

— Приходи скорей, я тебе комсы с картошкой сварию.

Плутовски поблескивали черные горящие глаза.

Хотел отец заглянуть в трюм, проверить, не мелчает ли соль, но тяжелый мешок пошел оттуда и чуть не ткнулся в нос. Грязные, туго набитые мешки, ползи и ползали под руки.

Омед кинул мешок на перекинутый конец сходни, прижал её к плитам, чтоб не дергала под ногами. Разогнул натруженную поясницу и поглядывал вокруг. Наверху мола гуляки любовались, как ветер мотало суда.

— Может жмлаишь покачаться немножко, господи,—усмехнулся грузчик.

— Теперь господ нет,—обычно и сухо бросил мужчина, иззавиший, в белом костюме.

А если бы не господи, так полезай и нам в трюм!—крикнул рулевой.—Проглядись-ка с мешочком в пакгауз.

Он ботился хвостик запачкать.— Поддай Иваську у весов.

На горизонте черная занавеса дождя разорвалась, голубым ситцем выглянуло небо.

— Ах, как чудесно! Божественная панорама!—всплеснула руками вертялая пилголина в трикожающей кофте.—Вы только взгляните на горы.

Снежные вершины подковой упирались в небо.

— Дамочка, дай копейку!—выпрынул Асанка.—На базаре айва, хурма есть, чудная айвогрозь!

Шумный Деркобийский Салгир врылся в залив наперез волнам. Омед тоже метнул взгляд на горы и удивился: они торчали на том же месте, как тридцать лет назад. Тогда он мальчишкой лазал по скалам. И снег на них белее соли, — Кому горы, а кому—горе,—замети рулевой.

Отец закинул черные руки за спину и стал расстирать позвончик.

— Что, Омед, побаливает?—равнодушно спросил Иваська.

— Будет вам языки-то чесать—крикнул надсмотрщик.—Еще два судна идет, а мы с одним не управимся.

— Поседем,—пробурчал старый турок, закуривая длинную трубку, и нехоти поднял лопату.

Захрустел под ногами соленый песок, новые мешки полезли из трюма.

Серые сажениые валы вылетали из-за маяка в конце мола и, стлкаясь, штурмовали пристань и берег. Вся ураль разгневанного моря нахлынула в тесную бухту. Волны подкидывали сходню. Широкая доска стучалась о гранит и сползала с борта, готовая свалиться.

— Чоротвы качел!—почал головоый Омед.

— А море все выше пучится,—кинул на волны дроздаль.—В такую погоду и на овец не заработеешь.

На канатах мотало жалкие парусники, отброшенные на средину бухты. «Три брата» и «Минерва» стучались бортами.

В шуме поскрипывали снасти. И только парод «Отчаянный», привыкший к бурям, спокойно выкидывал груз на цементные плиты...

— Море—это всегда море,—обернулся Омед к дрозду.—Стыхийая, как говорится, штука.—Ему и гризку, а у меня ноги трусят, будто за веровство поймали.—И он спокойно тронулся по раскачающейся сходне. Его растопаренные ноги мелко дрожали под грузом.

Зеленым хребтом, словно зверь, загребавший лапами, катилась волна. И не успел Омед сбросить мешок на землю, как с шумом налетела она. «Отчаянный» нырнул бортом. Сходила и Омед с мешком, вскинув руками, как птица крыльями, кукурузными вшами.

— Ай! Спасите! Отец упал!

Перепуганный Асанка бежал по верхнему молу. В руке болталась гроздь шашлы, купленная на дамочкин пятак.

С разбитой головой Омед бархтался в воде, цепляясь за склизкие камни. Пятна жирной нефти качались на зеленой поверхности вокруг утопающего.

— Омеда в море. Эй, ребята, лодку нада!..

Догадливый Иваська бросил в воду конец веревки. Тянул Омеда гуртом. Особные палыцы, как шутливые краба, ухватились за нее. С размякших постолох струилась вода, мокрые волосы липли к лицу.

Омеда положили на дроги.

— В болыщну вези!—крикнул надсмотрщик.

— С такой-то пустяковой!—удивился Омед.—Уж лучше домой отvezите, сан дорогу почете.

Асанка взобрался на колесо и припал к отцу. Тиний и селедочка пахло от мокрой туржурки. Глаза неподвижно глядели на тучи. Синие глыбы их запоздали на горы переналивались в котловину.

Асанка сбросил пальтунку, подложил отцу под голову. Поглядил по лицу. Было оно синее тучи и зубы стучали.

— Отец!—крикнул испуганно Асанка, и стал тормошить за плечи.

Опустил Омед мутные глаза.

— Зачем распелся, цыган? Простудился...

Еще сильнее прижался Асанка к мокрой куртке.

— Бедна отец!—хрипло вырвалось из горла мальчика.—Купи мне обезьяну. Я буду водить ее по городу, и ты не будешь работать в порту. У тебя, отец, кри-вилья и ноги болет.

Улыбнулся грустно Омед. И грузчики захохотали:

— Асан, Асан, иди сюда, покажи, как будешь водить обезьяну.

Закрутил Асанка рукой, как ручкой шарманки, и с плачем запел:

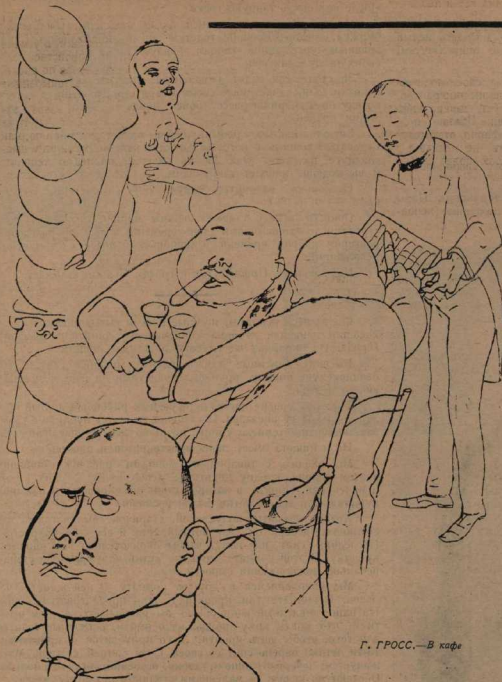
Раз отца пожалел
Мальчигой мальчишка,
Все съелся...

Закрыв лицо руками и отвернувшись к отцу, толкнул худенькие плечи под темными заплатками судорожно дергались.

— Не плачь,—кричали грузчики,—мы тебе купим обезьянку.—И грязными шершавыми руками глядели Асанку по тубейке.

Тучи ползли и ползли над снежной подковой гор. Синели в ранних сумерках ушелья. Шумело море, и не слышно было в рокоте воли стука от'езжающих колес.

ДВА БЕРЛИНА

Вечер Берлин заливается огнями. Витрины магазинов, движущиеся ленты рекламы, отблужившие всеми цветами радуги сигналы, руководящие движением на улице; автомобильные, автобусные, велосипедные фонари — превращают вечерний Берлин в силошное море разноцветных огней.

Берлин заканчивает свой «трудовой» день. Почтенные дамы с неизменными, откармливаемыми молсами совершают очередную прогулку на предмет похудания.

Случае — геморроидальные бухгалтера с выпирающими каблуком из накрахмаленных воротничков, продавщица с поджидающими их «фрейндами» (друг) заполняют улицы центра.

Рабочего здесь редко увидишь, он уже пробрался на «подземке» к себе на окраины.

Первая волна уличного движения после закрытия магазинов спадает. Трудовой день окончен. Берлин веселится.

На катке

Шенеберг — один из характернейших районов Берлина. Здесь сконцентрированы два полюса современного капиталистического города. Фешенебельная аристократия банка и фабрики населяет каменно-спокойные улицы, расположившиеся веером вокруг Шенебергской ратуши. По другую же сторону «Гауптштрассе» живет беднота, рабочие и безработные. Здесь столкуются безработных, коммунистическая пивная, она же партийный райком.

В Шенеберге находится одно из наиболее больших помечений Берлина — Спорт-Палас. Как и сам Шенеберг, Спорт-Палас ярко отражает два Берлина. Здесь происходят спортивные состязания, велосипедные гонки. «Рабы педали», по меткому выражению «Роте Фане», в течение шести дней и шести ночей мчатся по арене на удовольствие золотой молодежи, составляющей подавляющую часть публики.

Но бывают и другие дни, тогда в Спорт-Паласе другие люди, другие настроения. Десетки тысяч рабочих наполняют зал, окружая его извне, желая послушать Тельмана и других ораторов компартии. Здесь тогда собирается рабочий Берлин.

Теперь в Спорт-Паласе каток. На кругу с немецкой аккуратностью всераспланировано: в середине для начинающих и для фигурных катаний, по периферии мчатся конькобежцы. Без коньков на лед не пускают. Но за две марки вы можете попасть в ложу и быть в курсе всего, что делается на льду.

На стене объявления: «Урок езды на коньках 4 марки», «Прокат коньков 1 марка», «Одеть ботинки 20 пфенигов», «Прикрепить коньки 30 пфенигов».

Большинство присутствующих, процентов так 75, предпочитает наблюдать непосредственно катающихся. Это по большей части «мыльные жеребчики», с нескрываемым удовольствием изучающие женскую часть катающихся, чьи ножки не слишком прикрыты коротенькими юбочками.

Эти любители «спорта» не ограничиваются наблюдением. В расположенном тут же ресторане между катающимися и наблюдающими заводится знакомство с распитием коньяка.

— Двадцать марок? Что я, коколка! Мне ежедневно ботинки и чулки стоят дороже, — обычный «спортивный» разговор в Спорт-Паласе.

А публика все валит. Полночные дамы со своими отпрысками, приветливо встречаемые швейцарами, «шпиконкишо» обоего пола заполняют ложи и арену.

Кафе играет в быту немецкого горожанина значительно большую, к сожалению, роль, чем клуб в жизни нашего рабочего. Бечером немец идет в кафе. До войны считалось священно-обязательностью каждого благомыслящего немца ежевечерне

посещение кафе. Война и послевоенный кризис, потрепавшие карманы «среднего» немца, ослабили «кафеинную дисциплину». Дела неважны и трудно из тощего бюджета выжать марку-другую, чтобы сойти с женой в кафе.

Но говорят, что на Фридрихстрассе за 50 пфенигов дают сбитые сливки и пирожное. За марку можно посидеть целый вечер, послушать музыку и прочесть пошлые выхи (шутки) из юмористического журнала.

Большая часть берлинских буржуа имеет свое «подшефное» кафе. Существует кафе монархистов, русских эмигрантов, литераторов, спекулянтов и т. д. Часам к 10-ти вечера кафе начинают заполняться своими завсегдатаями. Плавню подкатывают автомобили, швейцар предупредительно открывает дверь.

Вдоль стены ряды столиков, посередине же свободное место для танцев.

Джаз-банд (шумовой оркестр) играет чарльстон. Пары изгибаются, ломаются в этом диком, неритмичном танце (исполняется неграми над трупом убитого врага).

К. КОЛЬВИЦ. — Голодные

Дамы в коротеньких юбочках и с остриженными под мальчишку волосами выкадывают ногами всякие колотца.

Это танцуют гости кафе. Их смеяют профессионалы. После них опять танцуют гости.

В кафе существуют «танцевальные» кавалеры. Оживевший буржуа, предпочитая толстую сигару и разговоры о завтрашнем курсе акций танцам арендует таких «кавалеров» для своих танцующих жен.

За столиками сияют ожидающие посетителей одиночки — комочки. Они сдвигивают своих подруг, лежащих в сирую погоду по Фридрихстрассе, боясь попасть в лапы агента «полиции нравов».

Вот одна из этих «рабынь любви» нашла себе покровителя. Седоватый толстак с роговыми очками нежно прильнул к своей «подруге» на час. Она звонко смеется, подпевает оркестру и вызывающе хлопает танцующим.

Несколько натянутее ведут себя в аристократических кафе.

Оркестр играет старые военные марши, сменяемые фокстротами и чарльстонами (даже времени) и ведутся разговоры о старом добром времени и ноябрьском позоре (германской революции).

Кофе и пиво. Проститутки и графы. Берлин отдыхает.

Светящиеся рекламы, шумные кафе и сытые посетители — внешняя показная сторона современного капиталистического города. На окраинах же глубоко роет крот нищеты.

Высокие каменные мешки рабочих районов таят в себе неопишущую нищету, ярко выделяющуюся на фоне безумствующего центра.

Трамвай уносит нас из буржуазных районов в другой мир. Этот переход не внезапен. Постепенно меняется публика в трамвае, постепенно темнеют улицы, исчезают зазывающие огни кафе.

Но и нищета имеет своих аристократов и плетеев.

Мы входим с товарищем, молодым рабочим, живущим в этом районе, в одну квартиру. Составляются. У них кухня и маленькая комната, в которой стоят две кровати и кожаная кушетка. Это все — остатки былой роскоши.

Хозяин комнаты, полуседой старичок, был когда-то жестяником. Теперь он безработный, как и его сын — подросток. Последний спит на полу, чтобы окончательные «не кончить» кушетку. В этой комнате круглые сутки полумрак. По стенам печально ползут капли сырости.

Мы направляемся в другую комнату. В ней живут 7 человек. В комнате три кровати и один продолговатый ящик. На наш удивленный вопрос: «как вы размещаетесь», нам ответили, что когда кому-нибудь надо выйти, остальные садятся для того, чтобы дать пройти. Тут же приходится с кроватями. 13-ти летний парень спит со своей 15-ти летней сестрой. Мать жалуется: дочери страшно неудобно, особенно, когда она больна. Обедают по углам, за маленьким столиком нехватает места.

В комнате из каждого угла сквозит самая беспросветная нужда. Но вешу чисто. На столе лежат несколько книг.

Здесь живет и «аристократия». Мать и дочь-девица, имеющие когда-то шляпную мастерскую. Матери лет под девяносто а девице 50 с хвостиком. Маленькая комнатуха устлана подставками с незатейливыми шльями, изготовляемыми «девицей» для местных модниц.

Мы входим в одну квартиру. Здесь даже нет пола. От сырости трудно дышать. Вещи обитателей комнаты развешаны на веревке. В сумраке они гниют. Хозяйка жалуется: хвосты с снй документа. Этажком ниже живет старый малыр. Одна нога у него ампутирована вследствие костного туберкулеза. Примерно с год тому назад его жена сошла с ума и теперь он здесь медленно умирает с 4 детьми. Он еще не стар, но в голосе его звучат нотки полного отчаяния: «Я уже больше ни на что не надеюсь».

Два полюса современного Берлина. На одном — беснующаяся буржуазия, пытающаяся диким джаз-бандом заглушить мысль о грядущем конце, на другом — изголодавшиеся, дошедшие до отчаяния, выбитые из колеи жизни люди. Но между этими двумя полюсами, одинаково близкими к смерти, существует остров жизни — это борющийся за свою свободу рабочий класс. Но об этом в другой раз.

ФОРД В ЗАМОСКОРЕЧЬИ

«Парижская Коммуна»

В. ГАЛИН

Дело было в Чехо-Словакии.

У желанных, сметлившей сеткой, ворот висели плакаты с ярко очерченными буквами: **КТО ХОЧЕТ СЕМИТЬ СРЕДИ РАБОЧИХ БЕДОВОГО ТЬСЯТВО, ТОМУ НЕ МЕСТО В ЭТОМ ТРЕБЛЕНЬИИ!**

Двери подвала широко распахнулись на редкостные витрины кожаненной промывки а е в н о с т и С С Р. Главн чехо-словацкой фирмы «Батя» новел гостей по светлым, обширным цехам и мастерским обувной фабрики.

Иа ранисевоа отбиения напут черныя пары ботинков

Здесь все было необычно: в струнку выгнаны машины разных калибров, перед глазами мелькала лента конвейера. Тагенбаум, один из тех, что были посланы ознакомиться с западной производством—директор обувной фабрики «Парижская Коммуна», зорко оглядал каждую мельочь производства, сравнивая со своим, московским.

Записывать ничего нельзя было, ибо представители комиссии «Батя», этого чехо-словацкого Форда, гордые своей постановкой производства, запрещали что-либо заносить в записные книжки. Пришлось напрягать память, выходящая в нее все то новое, что может и должно быть перенесено отсюда, из местечка Элань, в Москву, на фабрику в Замоскворечье. И память кривоградогатора не подвела его.

В марте 1926 года Тагенбаум осматривал в качестве гостя чехо-словацкую обувную фабрику и вернувшись к себе на «Парижскую Коммуну» три долгих месяца раздумывал и рассчитывал, что можно сделать в наших условиях на советской фабрике.

Бесенние месяцы прошли в теоретических изысканиях, нащупывании почвы и настроений рабочих.

В августе фабрика пережила производственный переворот.

Попрежнему висит из киринского камина фабричные корпуса, попеременно в 8 утра и в 5 вечера фабричные гудки дают знать о начале и конце работы. Больше шестигр рабочих в утренний час рассаживают по мастерским фабрикам.

Все так, да не так. В жаркие августовские дни машины под председательством директора Тагенбаума, фабричного технорка и рабочих,

были выстроены в четыре ряда, ниткой-машинной мужской обуви в один ряд, дамской—другой, детской—третьей и сандалий—четвертый.

Революция началась с илленного. Бой расхлябанности и неорганизованности дали в закройном отделении. Раньше, до августа месяца, рабочий, кончая работу, сам ходил получать исувою. Отнимало у каждого 30—40 минут. Простое дело: ваши ситалытые флажки. И теперь, когда рабочий кончает свою партию закройки, у его стола вивнается красный флажок—сигнал скончано партию, ису новую. Зеленым флажком рабочий зовет к себе мастера, желтым—требует дополнительная материал.

Три флажка, чередуясь между собой, сэкономили производству 40 часов еженежно, ибо 40 минут в поисках работы, умноженные на 60 закройщиков, дают ни больше и ни меньше, как 2.400 минут.

Кочевия парижки, жбу ноуку!

Победа первая. За ней последовала вторая. В заготовочном организуются 5 бригад для мужской обуви, детской, дамской, сандалий и заготовке полотно—подкладок.

Победа третья. Дробление операции. Каждому рабочему в заготовочном отделении дали работать одну операцию на машине и несла ряд работающих машин соединили непрерывно движущейся лентой.

Войдите в мастерскую: сразу бросается в глаза стройная организация труда. Здесь на фабрике все приходится сравнивать с раньше и теперь. Оли и тот же рабочий теперь на 15—20 проц. повысил производительность своего труда. Революция в производстве освободила для фабрики 30.000 оборотного капитала.

Рабочие не проталкили от помощи: 60 руб. в месяц до августа и 85 руб.ей теперь после рационализации производства получает рабочий 6-го разряда.

Из рангового отделения споконно плывут черные пары ботинков и тут же, не задерживая, их складывают по конвейерной ленте в отдел конных цех, там их ждет одна из последних операций.

В заготовочном прорубили обыкновенную дыру в поболе, устроили желоб и сушевую обувь в каловую затяжку. Двигается лента, на ней черед ботинки, мелькают руки рабочих, зашуровывающих обувь. Пазно вползачивая на ленте, уходит ботинки дальше к поджидавшей их работнице.

Покорно ложатся ботинки на дно корзинной коробки, заскользывается над ними крышка, туго обивается шпур и коробка летит к возвышающейся стене уже готовой обуви. Дальше следы, а за ними по торговому каналу, полкам магазинов,—к потребителю.

Теперь, конечно, все это легко описать, а ведь тогда, семь месяцев назад, с конком трудом приходилось вводить каждое нововведение.

Бригада мужской обуви

Немало рабочих противились вседневно новшества и перевороту, совершаемому энергичным директором.

Все это осталось позади.

Тесно стало в теперешних корпусах, хлопоту получить новое помещение.

Шедедним удем гудит фабрика. Ежечасно в заготовочном, закройном, останавливаются машины, стиснет шум—все минут отдыхать. Вон в углу мастерской собрались группа молодежи. 10 минут отдыха заполняются песней, шуткой, волей. Проходит минуты и снова раздается дробный стук машин, с легким шелестом плывут ленты конвейера, унеси на своей поверхности черные, грубые куски кожи. Наряд по этажам, они непрерывно цепью проходят сквозь строй машин в человеческий рук.

Еженежно 2.150 пар готовой обуви и 7 сотен сандалий вылетывают мастерские фабрики.

В складе ждетте штабеля коробок с готовой советской обувью. Красный директор Тагенбаум, перекрывая занятия, полученные у чехо-словацкого Форда, чтобы пригнать их у себя на «Парижской Коммуны»,—это наш первый поин. За ним последуют вторые, третьи, четвертые...

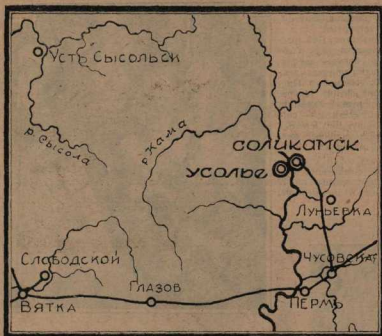
Двигается лента конвейера в заводской...

Советский ботинки готов!

МИЛЛИАРДНЫЙ КЛАД СОЛИКАМСКА

Инженер ЛОПАТИН

Почему опустела Малая Азия и ущелья Еврора

В далекие, седые времена из степей были два могущественнейших государства Малой Азии — Вавилон и Ассирия. Плодородие поля этих государств неизменно давало жидкий год обильные урожаи. Но вот по какой-то непонятной причине урожаи стали настоятельно падать. Казалось, почва устала и не в силах родить прежнего изобилия хлеба. В результате поля стали бесплодными, страна опустела.

Та же опасность нависла над Европой во второй четверти прошлого века: урожайность европейских полей неуклонно падала. Но ее не постигла участь Малой Азии: немецкий ученый Юстус Либих определил причины надвигающейся катастрофы и указал средство к ее устранению. Он нашел, что урожайность полей зависит от присутствия в почве особого вещества — соли калия. Эти соли являются основной питательной пищей растений. Даже больше, растения только тогда становятся восприимчивыми к усвоению питательных веществ, находящихся в почве, когда она богата солями калия. Но калий постепенно исчезает из почвы: его «поедают» растения и вымывает вода. Естественная же прибыль калия не может восполнить этой утраты и поэтому вполне понятно, почему поля Малой Азии, а затем и Европы стали давать все уменьшающийся урожай. Европа, если не может пойти по пути Малой Азии, должна во что бы то ни стало вернуть своим полям нерасходуемый калий. Таков был вывод Юстуса Либиха.

Но где найти этот калий? К счастью, как раз с этим моментом совпало открытие все в той же Германии, около г. Стасфурта богатейших залежей калийных солей, а молодой химик Адольф Франк нашел способ добычи этих солей и обработки их для целей удобрения. Все свое знание пришлось ему бороться с косностью и консервативностью немцев. — Зачем покупать калий в анкетах? — недоумевали они. Но, в конце концов, нужда, пропаганда и здравый смысл сделали свое дело — Зап. Европа была снабжена калием удобрением, а Германия получила в районе Стасфурта не только выгодную статью своего zahraniчного вывоза, но и средство быстро поднять свое сельское хозяйство. И оно действительно было быстро поднято: сбор в 1 тону (61 пуд) с десятины быстро возрос до 2—3 тонн (120—180 пуд.), увеличившись в три раза.

Особенно же резко почувствовала Германия все значение своих калийных солей во время последней империалистической войны. Окруженная со всех сторон, она в состоянии была держаться, главным образом, потому, что ее поля, удобренные стасфуртским калием, каждый год давали прекрасный урожай и снабжали армию и население от голода. Залежи калия оказались немалые вагонами для войны, чем заводы Круппа.

Понски калийных богатств

До последнего времени на земном шаре было обнаружено только два крупных месторождения солей калия: стасфуртское и эльзасское. Оба они в период войны находились в руках Германии, и это отсутствие калийного удобрения чрезвычайно сильно ударило по остальным странам.

Как результат этого, везде начались усиленные поиски новых месторождений калия. Север-

ная Америка, например, за короткий военный период не поскупилась истратить на эти поиски 55 миллионов рублей. Но в конечном счете эти миллионы точно так же, как и громадные средства, отпущенные с этой же целью другими государствами, оказались выброшенными на ветер: залежей калия нигде не было найдено.

Залежи советского калия в верховьях Камы

Первые поиски калия в Советском Союзе начались осенью 1925 г. в районе гор. Соликамска. На них было истратено 500 000 рублей. Этой же осенью (1926 г.) предварительные изыскания закончились, доказав, что в верховьях Камы СССР обладает громадным калийным богатством.

Вот некоторый цифровой результат этих изысканий. В районе Соликамска залежи калийных солей оказались на глубине 90 метров (42 саж.), в то время, как германские имеют 130 метр. (61 саж.), а эльзасские—450 метр. (211 саж. глубины). Тот же блестящий для нас результат и в отношении мощности пластов. В эльзасском месторождении каждый квадратный километр может дать 2.200.000 тонн калийных солей, там же эльзасское содержит, по крайней мере, 11.500.000 тонн на той же площади.

В конечном счете первые изыскания показали, что в районе Соликамска пока обнаружено 100 миллионов тонн чистого калия. Считаю, что тонна калия оценивается в 90 рублей, мы получили, что в недрах Соликамска лежат золотой клад в 9 миллиардов рублей. Но, ведь, это—только предварительный подсчет. Несомненно же наличие этих залежей еще в неисследованном районе дает основание специалистам утверждать, что новые залежи солей калия в СССР обнаружат не только вблизи эльзасского, но смогут поспорить по своему объему и со стасфуртскими. А это говорит о том, что СССР неожиданно выдвигается на первое место в этой исключительно важной отрасли мирового хозяйства.

По распоряжению ВСНХ уже образован Советский Калийный трест, который, по мнению лучшего знатока этого дела, проф. Д. Н. Пшеничникова, в феврале 1927 года начал добычу калия из первой шахты у гор. Усолье.

Что даст соликамский калий в СССР

Прежде всего—полное освобождение от калиальной зависимости от zahraniчного калия. И даже больше—значительный вывоз советского калия на мировой рынок. Другими словами, совершенно неожиданно калий из минорта становится экспортом, из расхода делается доходом. А в результате—десятки миллионов рублей сэкономленных денег.

Но самое главное—это «полный переворот в земледелии СССР», как говорит академик Ипатьев. Потому что наш собственный советский калий даст возможность широко применять его в нашем сельском хозяйстве и тем самым достигнуть повышения урожайности в 2—3 раза.

В районе никому неизвестного до сих пор Соликамска СССР получил новый фонд в Новотроицких залежах солей калия.

СПРАВА: Зернышко калия на рост растений; свес на почве, лишенной калия (слева), тот же свес на почве, удобренной калием (справа).

ВНИЗУ: С квадратной километра советских залежей можно добыть кв. км. земли, тонны калийных солей (слева), с того же кв. километра эльзасских залежей можно добыть миллион тонн (справа).

II
МИЛЛИОНОВ

2
МИЛЛИОН

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ „ЧУДЕСА“

Музыка и труд

Великой американской изобретатель Томас Эдисон (См. статью об Эдисоне в этом же №) недавно закончил свою крайне оригинальную и интересную работу. Она основана уже на известном факте, что музыка, различная по темпу и содержанию, различно влияет на настроение слушающего, вызывая в нем то подъем, бодрость и энергию, то упадок, грусть и бездеятельность. Недаром «короли» и «королевы экрана» требуют исполнения какого-либо определенного музыкального мотива при съемке особенно трудных сцен в фильме. Основываясь на этом, Т. Эдисон, после долгих и кропотливых опытов и наблюдений, нашел целый ряд музыкальных вещей, которые в различных производствах могут оказывать влияние на подъем продуктивности в работе. И сейчас не редкость в американских заводах настроить фотограф, напугивающий определенным мотивом.

Слева внизу — кинематографы делают съемку под музыку. Вверху — на заводе электрических приборов роботом под музыку фотограф.

Электрические часы

Нет ни одной страны, в которой была бы так развита престижная техника, как в Америке.

Недавно полиция арестовала шайку воров, которая производила ограбления при помощи оригинального электрического браслета. Он ничем не отличается от обычного браслета с часами. Но вместо часов в него вделана электрическая батарея, развивающая ток в 10.000 вольт. Стоит только прикоснуться этим браслетом к телу человека, как тот моментально парализует его. Жертва падает в обморок, который продолжается от 1 до 3 часов.

Электричество и растения

В настоящее время производятся интересные опыты, блестяще доказывающие громадное влияние электрического освещения на растения. В Германии, например, на крупном дугу было выделено 2.000 кв. футов под электрическое освещение с сильными лампами в 400 свечей каждая, подвешенными на высоте 4 футов и на расстоянии 7 футов друг от друга. В результате через 3 недели трава на освещаемой площади была в 4 дюйма, а вне ее — только в 1 дюйм.

Подводные прожекторы

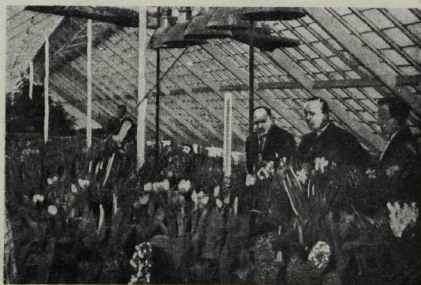
В настоящее время на некоторых, особенно опасных, участках водных и воздушных путей, проходящих по Северному и Средиземному морю, а также у берегов Северной Америки устанавливаются оригинальные подводные прожекторы, дающие на ночной темной поверхности моря

вроде освещенное пятно. Они дают возможность вычертить на море отчетливую линию пути, которой одинаково будут пользоваться и морские суда и пассажирские аэропланы.

Предохранительные фонарики

В американском городе Портленде у ночных уборщиков улиц введены оригинальные украшения — четыре фонаря у носка спереди и сзади. Они в значительной степени уменьшают опасность наезда на них автомобилей, которых и в ночное время на улицах американских городов бесконечное количество.

УГОЛОК НАЧИНАЮЩЕГО

Запись ходов

Для изучения теории шахматной игры, записи и чтения шахматных партий, задач и этюдов необходимо, кроме обозначения полей, знать также обозначение фигур и условных знаков.

Король обозначается Кр

Ферзь — Ф

Ладья — Л

Слон — С

Конь — К

Пешки обозначений не имеют.

При записи шахматных ходов указывается поле, на котором стоит фигура, делающая ход.

а затем через тире (—) то поле, на которое она идет, напр., К g1—f3, т. е. это значит, что конь с поля g1 пошел на поле f3.

При записи употребляются нижеследующие условные знаки:

> вместо тире означает, что одна фигура бьет другую, напр., ладья, стоящая на поле h1, бьет пешку на поле h7, это обозначается: Л h1:h7.

Знаком + обозначается шах; он ставится после хода.

Знаком X — мат; также ставится после хода.

> 0 — короткая рокировка.

> 0—0 — длинная рокировка.

> 1 — хороший ход.

> ? — плохой ход.

В качестве примера записи приводим коротенькую партию, в которой указаны все упомянутые нами знаки.

Белые:

1. e2—e4

2. Кg1—f3

3. Cf1—e3

5. d2: e3

6. 0—0

7. Kf3: e5

8. c4—f7+

9. c3—g5X

Черные:

e7—e5

Kg8—f6

Kf6: e4

Kf4: e3

d7—d5

c8—g1p

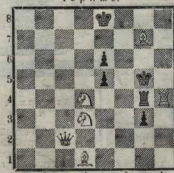
Sc8—d1

Kre8—e7

¹ Из книги Трнова и Пенаркова «Азбука шахматной игры».

ЗАДАЧА № 1

А. Хейн (Кролевиц)
Печатается впервые
Черные.

а б в д е ф г х
Белые.

Белые: Кр e1, Ф d1, Л a1, С d1, С g1.

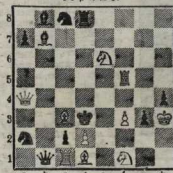
К f3, К f4, ... (7)

Черные: Кр b5, Л g4, e5, e6, g3, ... (5)

Мат в два хода

ЗАДАЧА № 2

А. Олытейн (Баку)
Печатается впервые
Черные.

а б в д е ф г х
Белые.

Белые: Кр b3, Ф a4, Л c1, С d1, С e3.

К f1, К e6, d2, E3, ... (9)

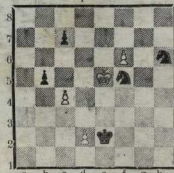
Черные: Кр d3, Ф b1, Л d3, Л f5, С g7.

С b8, К a2, К c8, a7, e2, g3, h4, ... (12)

Мат в два хода

ЭТЮД № 1

В. А. Корольков (Красноар)
Печатается впервые
Черные.

а б в д е ф г х
Белые.

Белые: Кр e5, e4, d2, f6, ... (4)

Черные: Кр e2, К B, К h6, b5, e, ... (5)

Белые начинают и делают ничью

ФАМИЛИИ ТОВАРИЩЕЙ, ПРИСЛАВШИХ ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ, БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ

Издательство

„МОЛОДАЯ

ЦК ВЛКСМ

ГВАРДИЯ

НОВЫЕ КНИГИ:

Маслов, А.—Фокусы и научные развлечения в клубной работе. Для организатора массовой работы в юношеских секциях рабочих клубов, комитат молодежи, площадок, домов отдыха, прогулок («Практика клубной работы»). Под общ. редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ.

Содержание: Предисловие Агитпропа ЦК ВЛКСМ. Вступление. I. Методические указания по организации и проведению вечеров. II. Вечер египетской науки. III. Простые чудеса. IV. Разоблаченные чудеса. V. Вечер тепла и холода. VI. Вечер феноменальной памяти. VII. Вечер головоломок. VIII. Вечер электричества. IX. Бенгальские огни и фейерверк. X. Практические указания и советы. XI. Литература.

Из предисловия АПО ЦК ВЛКСМ: «Означенная книга из серии практиков клубной работы ставит себе целью дать пособие практическим работникам для их повседневной работы. В числе форм отдыха и развлечения (пение, игры, загадки) не последнее место занимают «фокусы и опыты». Их значение не только в том, что они способствуют оживлению клубной массовой работы и разнообразят ее содержание, но и в том, что они возбуждают интерес к научным вопросам у молодежи, толкают ее к самообразовательной работе».

124 стр. Ц. 85 к.

Баян, В.—Кумачевые гулянки. Хороводные игры. (Серия «Красные посиделки»).

Содержание: Масленица. Девичья вечерка. Майвка. Свадьба по-новому. Вечерка, Частушки.

80 стр. Ц. 35 к.

Волжский, А.—Свадебная вечеринка. Сборник материалов для проведения комсомольской вечеринки. (Серия «Красные посиделки»).

56 стр. Ц. 20 к.

Самарский, В.—Красная вечеринка. Сборник для проведения вечеринки, посвященных девушке-крестьянке. (Серия «Красные посиделки»).

Содержание: От работы к свободе. Как проводить вечерку. Лит.-художеств. материал. Для декламации. Песни. Частушки, загадки, игры. Указатель литературы.

80 стр. Ц. 30 к.